„МЕРТВЫЯ ДУШИ“

Н. В. Гоголя.

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ
БИБЛІОТЕКА
ВОЕННО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

Разборъ поэмы для учащихся.

СОСТАВИЛЪ

С. БУРАКОВСКІЙ.

Государственный Институт
Научной Педагогики
БИБЛІОТЕКА
Фонтанка, 10.

Цѣна 40 коп.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.
1901.

Пров. 1940 г.

„МЕРТВЫЯ ДУШИ“

Н. В. Гоголя.

ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ БИБЛІОТЕКА

39138
2.35303

Разборъ поэмы для учащихся.

СОСТАВИЛЪ

С. БУРАКОВСКІЙ.

Цѣна 40 коп.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

Инв. № 14967

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 октября 1900 г.

891.73
G55
От Ч.в
1901

РАЗБОРЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

„МЕРТВЫХЪ ДУШЪ".

Историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ. Содержаніе первой части по главамъ. Характеристика помѣщичьихъ типовъ, городского провинціальнаго общества и народа. Разборъ характера Чичикова. Лирическія отступленія поэмы. Характеристика и примѣры отдѣльныхъ описаній. Изложеніе и языкъ поэмы. Заключеніе.

Послѣ «Ревизора», какъ говоритъ самъ Гоголь, онъ почувствовалъ болѣе, нежели когда-нибудь прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Въ это время Пушкинъ предложилъ Гоголю сюжетъ «Мертвыхъ душъ». «Пушкинъ», говоритъ Гоголь въ своей «Авторской исповѣди», «давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ одинъ разъ, послѣ того какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной читаннаго прежде, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять вдругъ его всего какъ живого, съ этою способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!» Вслѣдъ за этимъ началъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано, привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса *), который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за «Донкишота», никогда бы

*) Испанскій поэтъ (1548—1616).

не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и въ заключеніе всего отдалъ мнѣ собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому».

Таково было начало созданія «Мертвыхъ душъ», произведенія, которое не только составляетъ, такъ сказать, вѣнецъ поэтическаго творчества великаго писателя, но и вообще принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ новѣйшаго періода русской художественной словесности. Гоголь писалъ свою поэму во время пребыванія за границей, куда переселился онъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора», отчасти огорченный плохимъ, по его мнѣнію, исполненіемъ нѣкоторыхъ ролей комедіи, несправедливыми нападками критики и общества, отчасти съ цѣлью поправленія здоровья, изнуреннаго литературными трудами. Первоначально Гоголь началъ писать «Мертвыя души», какъ любопытный и забавный анекдотъ. Но мало-по-малу передъ его художественнымъ взоромъ возникала широкая картина русской жизни, незначащій сюжетъ сталъ разростаться въ большое произведеніе и наводить поэта, какъ онъ самъ говоритъ, на сильныя мысли и глубокія явленія. «Чѣмъ болѣе я обдумывалъ мое сочиненіе», пишетъ Гоголь, «тѣмъ болѣе видѣлъ, что неслучайно слѣдуетъ мнѣ взять характеры, какіе попадутся, но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣй и глубже отпечатлѣлись истинно русскія, коренныя свойства наши. Мнѣ хотѣлось въ сочиненіи моемъ выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены». Поэтъ долго и внимательно изучалъ Россію, знакомился съ людьми, у которыхъ могъ разузнать о томъ, что дѣлается въ отечествѣ, опредѣлялъ себѣ всякую должность, всякое сословіе и званіе въ государствѣ. Характеры и герои создались у него, конечно, заранѣе, но всѣ свѣдѣнія, какія онъ получалъ отъ другихъ, ему нужны были, по его словамъ, какъ нужны этюды съ натуры художнику, который пишетъ большую картину своего собственнаго сочиненія. «Онъ не переводитъ этихъ рисунковъ къ себѣ на картину, онъ развѣшиваетъ ихъ вокругъ, по стѣнамъ, затѣмъ, чтобы держать передъ собою неотлучно, чтобы не по-

грѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противу времени или эпохи». Гоголь не успѣлъ совершить всего задуманнаго плана: вполнѣ обработанною является только первая часть поэмы, въ которой собраны одни низкія свойства русской природы; что же касается до второй части, гдѣ поэтъ предполагалъ воспроизвести идеальныя стороны русской жизни, то эта часть сохранилась въ отрывкахъ и въ литературномъ отношеніи значительно слабѣе первой. Надъ первою частью «Мертвыхъ душъ» Гоголь усиленно работалъ въ теченіе шести лѣтъ. Эта поэма была задушевнымъ его произведеніемъ; онъ самъ говоритъ, что во время ея писанія онъ ничѣмъ другимъ не въ силахъ былъ заняться, что оторваться хоть на одинъ мигъ отъ этого «святого» труда было для него бѣдою. До появленія «Мертвыхъ душъ» въ печати, Гоголь два раза пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ читалъ поэму въ кругу самыхъ близкихъ друзей. Послѣ неоднократныхъ исправленій и передѣлокъ поэтъ рѣшилъ, наконецъ, представить рукопись первой части въ цензуру. Но въ Москвѣ рукопись подверглась запрещенію. Гоголь, весьма естественно, пришелъ въ отчаяніе; онъ хотѣлъ даже отказаться отъ мысли издавать «Мертвыя души», думая, что не судьба этому творенью явиться въ свѣтъ, но ободренный друзьями рѣшился снова послать рукопись въ цензуру, на этотъ разъ въ Петербургъ, гдѣ она и была одобрена къ печати. Наконецъ, послѣ многихъ мытарствъ, поэма Гоголя явилась въ свѣтъ въ 1842 году подъ названіемъ «Похожденія Чичикова или Мертвыя души». Русская критика, въ лицѣ главнаго ея представителя В. Г. Бѣлинскаго, съ восторгомъ встрѣтила произведеніе Гоголя и признала, что оно знаменуетъ наступленіе новаго періода въ русской словесности.

Сюжетъ поэмы заключается въ томъ, что герой ея Чичиковъ ѣздитъ по усадьбамъ помѣщиковъ и скупаетъ у нихъ умершихъ крестьянъ, числившихся живыми по ревизскимъ сказкамъ, съ тѣмъ чтобы, заложивъ ихъ въ Опекунскій совѣтъ; сразу сдѣлаться богачемъ. Чичиковъ скупаетъ крестьянъ на выводъ; все дѣло его, конечно, должно было совершиться на бумагѣ. Первая часть поэмы заключаетъ въ себѣ XI главъ.

Глава I. Въ первой главѣ описывается пріѣздъ Павла Ивановича Чичикова въ губернскій городъ N. Остановившись въ гостинницѣ, Чичиковъ, пока его кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка управлялись и возились съ вещами, отправляется въ общую залу. Въ ожиданіи обѣда пріѣзжій господинъ вступаетъ въ разговоръ съ трактирнымъ слугою и съ чрезвычайною обстоятельностью разспрашиваетъ у него, кто въ городѣ губернаторъ, предсѣдатель палаты и прокуроръ, какіе помѣщики проживаютъ въ окрестностяхъ города, сколько имѣютъ душъ крестьянъ, не было ли въ губерніи повальныхъ болѣзней, горячекъ, оспы и т. п. На другой день пріѣзда Чичиковъ дѣлаетъ визиты городскимъ сановникамъ и, въ бесѣдѣ съ ними, каждому говоритъ какую-нибудь любезность на счетъ его дѣятельности. Губернатору намекаетъ вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, ибо дороги вездѣ бархатныя; полиціймейстеру говоритъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ, а вице-губернатора и предсѣдателя палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, называетъ ошибкою *ваше превосходительство*, что имъ очень понравилось. Всѣ въ восторгѣ отъ Чичикова: губернаторъ приглашаетъ его въ тотъ же день на домашнюю вечеринку, другіе чиновники тоже, кто на чашку чая, кто на обѣдъ. На вечеринкѣ у губернатора Чичиковъ знакомится съ помѣщиками Маниловымъ и Собакевичемъ, которые приглашаютъ его къ себѣ въ усадьбу.

Глава II. По прошествіи недѣли Чичиковъ рѣшается, наконецъ, перенести свои визиты за городъ и прежде всего отправляется къ Манилову. Когда гость и хозяинъ, послѣ сытнаго обѣда, расположились въ кабинетѣ, Чичиковъ весьма деликатно и осторожно высказываетъ Манилову свое желаніе пріобрѣсть крестьянъ. Маниловъ спрашиваетъ, какъ онъ хочетъ купить крестьянъ, съ землею или на выводъ. Услышавъ отъ Чичикова, что тотъ желаетъ имѣть мертвыхъ, Маниловъ совершенно теряется: онъ не въ состояніи постичь цѣли такой странной, небывалой покупки. Нѣсколько опомнившись, помѣщикъ спрашиваетъ гостя, не будетъ ли такое предпріятіе несоотвѣтствующимъ гражданскимъ постановленіямъ Россіи, но скоро успокаивается, когда

Чичиковъ убѣждаетъ его въ противномъ и даже прибавляетъ, что казна будетъ имѣть выгоду отъ покупки, ибо получитъ законныя пошлины. Дѣло улаживается какъ нельзя лучше; очарованный гостемъ и его любезнымъ разговоромъ, Маниловъ отдаетъ ему умершихъ крестьянъ задаромъ и даже беретъ на себя и совершеніе купчей крѣпости. Довольный успѣхомъ дѣла, Чичиковъ оставляетъ усадьбу Манилова и отправляется къ Собакевичу.

Глава III. Путешественники, сами того не замѣчая, проѣзжаютъ тотъ поворотъ, по которому шла дорога къ усадьбѣ помѣщика Собакевича. Между тѣмъ наступаетъ ночь: поднимается гроза, и проливной дождь обращаетъ въ грязь дорожную пыль; темнота дѣлается страшная. Скоро, однакожъ, послышался лай собакъ; Чичиковъ приказываетъ погонять лошадей, и чрезъ нѣсколько мгновеній бричка ударяется оглоблями въ заборъ. Начинаются поиски воротъ; наконецъ путниковъ впускаютъ въ домъ, гдѣ Чичиковъ остается ночевать, не подозрѣвая, что, по оплошности Селифана, онъ попалъ не къ Собакевичу, а въ усадьбу помѣщицы Коробочки. На другой день Чичиковъ знакомится съ хозяйкой и въ бесѣдѣ съ нею спрашиваетъ ее, въ какомъ количествѣ умирали у нея крестьяне за послѣднее время. Старуха охаетъ и жалуется на то, что ей приходится платить подати за мертвыхъ, какъ за живыхъ. Пользуясь удобной минутой, Чичиковъ предлагаетъ Коробочкѣ уступить ему всѣхъ умершихъ, но это предложеніе ставитъ старуху въ тупикъ. Какъ ни старается Чичиковъ втолковать хозяйкѣ, что покупка будетъ состоять только на бумагѣ, что мертвые ни на что и ни кому не нужны, Коробочка повторяетъ свое: что покойниковъ продавать ей не случалось, что она боится, какъ бы не понести убытку. Тогда Чичиковъ прибѣгаетъ къ обману: сказавъ, что занимается казенными подрядами, онъ обѣщаетъ старухѣ брать у нея хозяйственные продукты. Обѣщаніе подѣйствовало, и Коробочка соглашается уступить мертвыя души за пятнадцать ассигнацій. Получивъ довѣренное письмо на имя знакомаго Коробочки для совершенія купчей и списокъ умершихъ крестьянъ, имена которыхъ старуха помнила наизусть, Чичиковъ уѣзжаетъ, чтобы въ тотъ же день побывать у Сабакевича, которому далъ слово.

Глава IV. Выбравшись изъ захолустья на столбовую дорогу, Чичиковъ замѣчаетъ трактиръ и приказываетъ кучеру Селифану остановиться, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, да и самому закусить и подкрѣпиться. Въ тотъ же трактиръ случайно пріѣзжаетъ съ своимъ зятемъ Мижуевымъ помѣщикъ Ноздревъ, съ которымъ Чичиковъ познакомился еще раньше, на обѣдѣ у прокурора. Ноздревъ уговариваетъ Чичикова ѣхать къ нему въ деревню; тотъ соглашается. По пріѣздѣ въ усадьбу, хозяинъ, распорядившись насчетъ обѣда, въ ожиданіи послѣдняго ведетъ гостей по деревнѣ, показываетъ все, что было у него въ усадьбѣ: конюшни, псарню, на которой воспитывались собаки всевозможнѣйшихъ породъ, водяную мельницу, кузницу, даже границу, гдѣ кончались его владѣнія. Послѣ того садятся за обѣдъ, во время котораго Ноздревъ особенно налегаетъ на вина, угощаетъ мадерой, безпощадно заправленной ромомъ, но лучше которой, по его увѣренію не пивалъ и самъ фельдмаршалъ. Разсчитывая на игру въ карты, Ноздревъ старается подпоить гостя, но Чичиковъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, ведетъ себя осторожно и хитритъ, не разъ потихоньку опрокидывая свой стаканъ въ тарелку. Послѣ обѣда, когда запьянѣвшій Мижуевъ отправился домой, Ноздревъ достаетъ карты и предлагаетъ Чичикову сыграть въ банкъ. Тотъ будто бы не слышитъ, о чемъ рѣчь и обращается къ Ноздреву съ просьбой перевести на его имя всѣхъ тѣхъ умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи. На вопросъ Ноздрева, зачѣмъ Чичикову понадобились умершіе крестьяне, гость начинаетъ путаться: сначала говоритъ, что мертвые души нужны ему для пріобрѣтенія вѣса въ обществѣ, потомъ придумываетъ новую причину, говоря, что онъ задумалъ жениться, и родители невѣсты непремѣнно хотятъ, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ. Ноздревъ не вѣритъ всему этому и безъ церемоніи называетъ своего гостя мошенникомъ, котораго слѣдовало бы повѣсить на первомъ деревѣ. Чичиковъ, хотя и обижается, тѣмъ не менѣе продолжаетъ рѣчь о томъ же, предлагая Ноздреву продать умершихъ крестьянъ, если не желаетъ дарить ихъ. Изображается въ высшей степени комическая сцена торга. Ноздревъ предлагаетъ Чичикову купить жеребца или каурую кобылу и за это обѣщаетъ дать въ придачу

умершихъ крестьянъ, потомъ предлагаетъ ему бричку и шарманку, наконецъ приглашаетъ гостя сыграть въ банкъ, обѣщая поставить на карту умершихъ вмѣстѣ съ шарманкой. Но Чичиковъ рѣшительно отказывается отъ подобныхъ покупокъ и отъ игры въ карты. Ноздревъ сердится, обзываетъ гостя „шильникомъ“ „гадкимъ печникомъ“ и отдаетъ приказаніе конюху не давать овса лощадямъ Чичикова. Происходитъ размолвка; однако Чичиковъ остается ночевать. Онъ досадуетъ на себя и болѣе всего за то, что заговорилъ съ Ноздревымъ о такомъ дѣлѣ, поступилъ неосторожно, ибо этотъ человѣкъ легко можетъ распустить по городу Богъ знаетъ что, и выйдутъ непріятныя сплетни. На другой день разговоръ о мертвыхъ душахъ снова затѣвается. Ноздревъ въ концѣ концовъ предлагаетъ сыграть на души въ шашки. Чичиковъ соглашается. Начинается игра, но Ноздревъ плутуетъ, и Чичиковъ отказывается продолжать игру, деликатно называя хозяина нечестнымъ. Ноздревъ бѣсится, съ кулаками подступаетъ къ Чичикову и крикнувъ двухъ слугъ, приказываетъ имъ бить гостя. Дѣло, однакожъ, кончается благополучно, благодаря случайному пріѣзду капитана—исправника: пока Ноздревъ бесѣдовалъ съ послѣднимъ, Чичиковъ выскальзываетъ на крыльцо, садится въ бричку и приказываетъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

Глава V. По дорогѣ къ Собакевичу новое приключеніе: на бричку Чичикова наскакиваетъ запряженная шестерикомъ коляска, въ которой сидѣли двѣ женщины, одна старуха, другая молоденькая. Постромки путаются, поднимается суматоха, на которую сбѣгаются мужики изъ сосѣдней деревни. Наконецъ дѣло улаживается, и Чичиковъ продолжаетъ путь, размышляя о той молоденькой незнакомкѣ, которую такъ неожиданно ему пришлось встрѣтить. Между тѣмъ показалась деревня Собакевича, и мысли Чичикова снова обращаются къ излюбленному предмету, т. е. къ покупкѣ мертвыхъ душъ. Бесѣду свою съ Собакевичемъ Чичиковъ начинаетъ издалека. Онъ говоритъ вообще о всемъ русскомъ государствѣ, объ его пространствѣ, потомъ переходитъ къ тому, что умершія ревизскія души числятся до подачи новой ревизіи наравнѣ съ живыми, что эта мѣра хотя и придумана для того,

чтобы не обременять присутственныя мѣста, тѣмъ не менѣе тягостна для владѣльцевъ, обязывая ихъ вносить подати какъ бы за живой предметъ, и прибавляетъ наконецъ, что, чувствуя личное уваженіе къ хозяину, онъ готовъ взять эту обязанность на себя. Безъ всякихъ колебаній и сомнѣній Собакевичъ, вопреки ожиданіямъ Чичикова, соглашается продать умершихъ крестьянъ и сразу запрашиваетъ по сту рублей за душу. Когда Чичиковъ приходитъ въ изумленіе и напоминаетъ о томъ, что самыя души уже умерли, а остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ, то Собакевичъ, въ надеждѣ совершить выгодную для себя сдѣлку, до такой степени входитъ въ самую силу рѣчи, что начинаетъ восхвалять достоинства умершихъ крестьянъ, ихъ способность къ разнымъ мастерствамъ, даже ихъ ростъ и силу. Чичиковъ предлагаетъ Собакевичу по два рубля за душу, потомъ прибавляетъ еще по полтинѣ. Собакевичъ намекаетъ гостю, что подобнаго рода покупки не всегда позволительны, и даже подсмѣивается надъ нимъ, говоря, что онъ душу человѣческую ставитъ наравнѣ съ пареной рѣпой, но въ концѣ концовъ уступаетъ души по той цѣнѣ, которую предложилъ Чичиковъ. По просьбѣ Чичикова Собакевичъ соглашается на другой же день совершить купчую и передаетъ ему реестръ крестьянъ съ обстоятельнымъ изложеніемъ ихъ похвальныхъ качествъ. Чичиковъ отдаетъ задатокъ и отправляется къ помѣщику Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали какъ мухи.

Глава VI. Чичиковъ въѣзжаетъ въ огромное село, со множествомъ избъ и улицъ, и повсюду замѣчаетъ особенную ветхость на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ. Скоро показался и домъ самого помѣщика, глядѣвшій, по выраженію поэта, дряхлымъ инвалидомъ. У одного изъ строеній Чичиковъ замѣчаетъ какую-то фигуру, но, благодаря ея странному костюму, не можетъ распознать, какого она пола; войдя въ комнату, онъ, къ удивленію своему, узнаетъ, что существо, которое онъ принялъ за ключницу, былъ не кто иной, какъ самъ помѣщикъ Плюшкинъ. Чичиковъ объясняетъ ему причину своего пріѣзда желаніемъ узнать отъ него, какъ отъ знатока, кое-что относительно управленія имѣніями, и, вступивъ въ дальнѣйшій разговоръ, узнаетъ, что у Плюшкина горячка вы-

морила порядочное число мужиковъ и что со дня послѣдней ревизіи ему приходится платить подать за сто двадцать умершихъ душъ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Чичиковъ безъ всякихъ обиняковъ изъявляетъ готовность платить подати за всѣхъ умершихъ крестьянъ. Такое предложеніе изумляетъ Плюшкина, но изумленіе его еще болѣе усиливается, когда гость, выразивъ желаніе купить умершихъ, предлагаетъ взять на себя издержки и по совершенію купчей крѣпости. Плюшкинъ думаетъ, что гость совершенно глупъ. Тѣмъ не менѣе, при всей черствости и скаредности души, не можетъ скрыть своей радости: желаетъ Чичикову всякихъ утѣшеній и приказываетъ слугѣ Прошкѣ поставить самоваръ. Боясь, однако, что гость надуетъ его и напившись чаю уѣдетъ, Плюшкинъ предлагаетъ ему совершить купчую сейчасъ же и успокаивается, когда Чичиковъ изъявляетъ на это полную готовность и требуетъ списка всѣхъ крестьянъ. Послѣ того Плюшкинъ предлагаетъ гостю купить и бѣглыхъ. Чичиковъ соглашается и, уплативъ по тридцати копеекъ за душу, беретъ съ хозяина расписку. Чичиковъ уѣзжаетъ отъ Плюшкина въ самомъ веселомъ настроеніи духа и возвращается въ городъ, въ ту же гостинницу, вполнѣ довольный успѣхомъ своего предпріятія.

Глава VII. Проснувшись на другой день, Чичиковъ съ просіявшимъ лицомъ вспоминаетъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ, и тотчасъ же принимается за составленіе купчихъ крѣпостей, какъ слѣдуетъ по установленной формѣ. Разсматривая списки крестьянъ, полученные отъ помѣщиковъ, Чичиковъ размышляетъ о судьбахъ русскаго мужика, о его нелюбви умирать своею смертью, о бродячей жизни бѣглыхъ крестьянъ. Скоро крѣпости были изготовлены, и Чичиковъ, одѣвшись и вспрыснувъ себя одеколономъ, съ бумагами подъ мышкой отправляется въ гражданскую палату совершать купчую. На улицѣ онъ встрѣчаетъ Манилова, который, вручивъ Чичикову бумагу съ перечнемъ крестьянъ, изъявляетъ готовность отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ палату. Предсѣдатель, уже знавшій о покупкахъ Чичикова отъ Собакевича, который находился въ залѣ присутствія, встрѣчаетъ будущаго помѣщика съ распростертыми объятіями, лю-

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

безно поздравляетъ его, что очень смущаетъ Чичикова, тѣмъ болѣе, что оба продавца, съ которыми онъ велъ дѣла тайно, стояли теперь лицомъ другъ къ другу. Намѣреваясь, изъ боязни какъ бы не попасться, выѣхать изъ города на слѣдующій день, Чичиковъ проситъ предсѣдателя совершить купчую сегодня же. Предсѣдатель былъ очень доволенъ покупками Чичикова, особенно когда увидѣлъ, что всѣхъ ихъ было почти на сто тысячъ. Онъ тотчасъ же дѣлаетъ распоряженіе о призывѣ установленныхъ закономъ свидѣтелей и, обращаясь къ Чичикову, спрашиваетъ его: „какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? развѣ на выводъ?“ Чичиковъ, нисколько не потерявшись, заявляетъ предсѣдателю, что онъ дѣйствительно покупаетъ ихъ на выводъ въ Херсонскую губернію, гдѣ будто бы пріобрѣтено у него достаточное количество земли съ рѣкою и прудомъ. Когда все дѣло по совершенію купчей было покончено, предсѣдатель предлагаетъ Чичикову и другимъ спрыснуть покупку и отправиться къ полицеймейстеру на завтракъ. Всѣ соглашаются съ величайшимъ удовольствіемъ. Отъ полицеймейстера, гдѣ чудаки чиновники съ предсѣдателемъ во главѣ наперерывъ спѣшили поздравлять херсонскаго помѣщика, Чичиковъ, уже порядочно закусивши и выпивши, возвращается на прокурорскихъ дрожкахъ къ себѣ въ гостинницу, гдѣ долго мечтаетъ о бѣлокурой невѣстѣ, о херсонскихъ деревняхъ и капиталахъ.

Глава VIII. Покупки Чичикова дѣлаются предметомъ разговоровъ среди городскихъ обывателей; поднимаются безконечные толки, мнѣнія и разсужденія; идутъ споры о томъ, выгодно ли покупать крестьянъ на выводъ, о крестьянахъ Чичикова, которые, по мнѣнію обывателей, всѣ пьяницы, ибо хорошаго человѣка ни одинъ помѣщикъ не продастъ. Нѣкоторые даже жалѣютъ Чичикова и высказываютъ опасеніе насчетъ того, чтобы не произошло бунта между его крестьянами, но полицеймейстеръ успокаиваетъ ихъ, говоря, что существуетъ власть капитана — исправника, что капитанъ — исправникъ, хотя самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго ихъ жительства. По городу проносится слухъ, что Чичиковъ не болѣе не менѣе,

какъ милліонщикъ; его начинаютъ просто носить на рукахъ, и онъ не въ состояніи выбраться изъ города. Губернскія барыни, прежде мало говорившія о Чичиковѣ, теперь восхищенныя пріятнымъ словомъ милліонщикъ, находятъ въ немъ всевозможнѣйшія добродѣтели, принимаются особенно усиленно заниматься туалетомъ, а одна изъ нихъ посылаетъ ему анонимное письмо, въ которомъ, намекая о тайномъ сочувствіи сердецъ, приглашаетъ Чичикова оставить городъ и удалиться въ пустыню. На балѣ у губернатора Чичиковъ знакомится съ его дочерью, съ которой когда-то встрѣтился на дорогѣ. Всѣ дамы въ восторгѣ отъ Чичикова, но когда замѣчаютъ, что онъ видимо оказываетъ предпочтеніе губернаторской дочери, то сразу же начинаютъ отзываться о немъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Въ это время въ залу является подвыпившій Ноздревъ и начинаетъ во все горло кричать, что Чичиковъ торгуетъ мертвыми душами и что его слѣдуетъ повѣсить. Губернаторъ, прокуроръ и другіе чиновники приходятъ въ страшное замѣшательство, не знаютъ что и говорить. Хотя Ноздревъ и слылъ за отъявленнаго лгуна, тѣмъ не менѣе Чичиковъ почувствовалъ себя крайне неловко: встревоженный, онъ, не дожидая окончанія ужина, уѣзжаетъ домой. Дома онъ бранитъ губернское общество, устраивающее глупые и безполезные балы изъ одного лишь обезьянства, ругаетъ Ноздрева и всю его фамилію. Между тѣмъ на другомъ концѣ города происходитъ событіе, которое еще болѣе увеличиваетъ непріятность положенія Чичикова, — это пріѣздъ помѣщицы Коробочки, которая, думая, что Чичиковъ обманулъ ее, рѣшилась пріѣхать въ городъ съ цѣлью узнать, почемъ ходятъ мертвыя души.

Глава IX. Одна изъ городскихъ сплетницъ, дама просто пріятная, узнавъ о покупкѣ Чичиковымъ мертвыхъ душъ, раннимъ утромъ отправляется къ дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы подѣлиться съ нею впечатлѣніями по поводу свѣжей новости, только что полученной отъ протопопши, у которой остановилась помѣщица Коробочка. Послѣ излюбленной бесѣды о выкройкахъ и новомодныхъ нарядахъ, просто пріятная дама съ ужасомъ разсказываетъ, какъ Чичиковъ, подобно герою разбойничьяго романа, явился ночью къ старухѣ Коробочкѣ и требовалъ,

чтобы она продала ему всѣ тѣ души, которыя умерли. Начинаются толки. Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ тотчасъ же соображаетъ въ чемъ дѣло: ей кажется что мертвыя души выдуманы только для прикрытія, а главное то, что смиренникъ Чичиковъ намѣревается увезти губернаторскую дочку и тайно съ нею обвѣнчаться. Просто пріятная дама вполнѣ соглашается съ этимъ мнѣніемъ; обѣ начинаютъ осмѣивать губернаторскую дочку и безнравственность институтскаго воспитанія. Разставшись, дамы тотчасъ распространяютъ сплетню среди своихъ знакомыхъ. Скоро весь городъ приходитъ въ страшное волненіе: на сцену появляются такія особы, о которыхъ прежде не было и слуху, по улицамъ усиливается ѣзда и словомъ заваривается такая каша, въ которой ни одинъ изъ обывателей не можетъ разобраться. Образуются двѣ партіи. Женская исключительно занимается похищеніемъ губернаторской дочки и сочиняетъ про Чичикова небывалыя исторіи, такъ что губернаторша, узнавъ о сплетнѣ, дѣлаетъ строгій выговоръ дочери и отдаетъ приказаніе ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ не принимать Чичикова. Мужчины отвергаютъ дамскія сплетни и всецѣло обращаютъ вниманіе на мертвыя души, находя, хотя и безсознательно, что въ нихъ то и заключается все скверное. Назначеніе новаго генералъ-губернатора приводитъ чиновниковъ въ страхъ и трепетъ: всѣ они начинаютъ отыскивать въ себѣ даже такіе грѣхи, которыхъ у нихъ и не было. Инспекторъ врачебной управы отъ страху блѣднѣетъ: ему представляется, что не разумѣются ли подъ мертвыми душами больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ отъ повальной горячки, противъ которой не были приняты надлежащія мѣры. Многіе подозрѣваютъ даже, нѣтъ ли въ мертвыхъ душахъ намека на скоропостижно погребенныя тѣла вслѣдствіе двухъ кровавыхъ происшествій, замятыхъ мѣстной администраціей. Въ то же время къ губернатору приходятъ двѣ бумаги: въ одной говорилось о немедленномъ разысканіи находящагося въ губерніи дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій, въ другой губернаторъ сосѣдней губерніи писалъ объ убѣжавшемъ разбойникѣ. Тутъ городскіе чиновники окончательно сбиваются съ толку, задаютъ себѣ вопросъ, кто таковъ самъ Чичиковъ, о чемъ прежде никто и не думалъ, обращаются съ раз-

спросами о немъ къ Манилову, Коробочкѣ, Собакевичу, но, не добившись и отъ нихъ ничего путнаго, рѣшаютъ собраться въ квартирѣ полицеймейстера и обстоятельно разобрать, кто такой Чичиковъ и слѣдуетъ ли принять противъ него какія-нибудь мѣры.

Глава X. На собраніи у полицеймейстера та же безтолковщина. Разногласіямъ нѣтъ конца; одинъ говоритъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, а потомъ самъ же прибавляетъ: «а можетъ быть и не дѣлатель»; другой утверждаетъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, но тутъ же говоритъ: «а, впрочемъ, чортъ его знаетъ!» Почтмейстеръ, послѣ нѣкотораго размышленія, потрясающимъ голосомъ заявляетъ, что Чичиковъ не кто иной, какъ капитанъ Копейкинъ, и разсказываетъ повѣсть объ отставномъ капитанѣ безъ руки и ноги, который пріѣхалъ за получкою награды въ Петербургъ, но, не получивъ ея, надѣлалъ дерзостей чиновникамъ какой-то канцеляріи, былъ высланъ изъ столицы по этапу и затѣмъ сдѣлался атаманомъ шайки разбойниковъ. Когда полицеймейстеръ, въ опроверженіе такой нелѣпости, замѣчаетъ, что у Чичикова обѣ руки и ноги на мѣстѣ, то почтмейстеръ, хотя и называетъ себя телятиной, тѣмъ не менѣе оправдывается, говоря, что это ничего не значитъ, что въ Англіи усовершенствована механика и тамъ отлично выдѣлываютъ искусственныя ноги. Догадки являются одна другой нелѣпѣй; кто-то высказываетъ даже, что Чичиковъ не кто иной, какъ переодѣтый Наполеонъ. Потерявъ голову, чиновники обращаются къ Ноздреву, который первый выпустилъ исторію о мертвыхъ душахъ. Для Ноздрева, какъ видно, не существовало никакихъ сомнѣній: на всѣ вопросы онъ отвѣчаетъ положительно, что Чичиковъ дѣйствительно накупилъ мертвыхъ душъ, что онъ шпіонъ, дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, а въ концѣ концовъ несетъ такую дичь, что чиновники, какъ ни глупы, отходятъ отъ него прочь. Такъ о личности Чичикова никто ничего и не узналъ. Прокуроръ болѣе всѣхъ встревоженъ: онъ начинаетъ задумываться и вдругъ умираетъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого. Чичиковъ рѣшительно ничего не зналъ о суетѣ, происходившей въ городѣ по поводу его покупокъ, и сидя по болѣзни дома, удивлялся только тому, что ни одинъ изъ чиновни-

ковъ не навѣстилъ его. Почувствовавъ себя лучше, онъ отправляется съ визитомъ къ губернатору, но къ удивленію узнаетъ, что его не приказано принимать; тогда онъ ѣдетъ къ другимъ чиновникамъ, но и тѣ или не принимаютъ его вовсе, или такъ смущаются его появленіемъ, что не могутъ выговорить и двухъ словъ. Чичиковъ возвращается въ гостинницу въ рѣшительномъ недоумѣніи. Является Ноздревъ; отъ него Чичиковъ узнаетъ о сплетнѣ, которую распустили о немъ насчетъ похищенія губернаторской дочери, и о переполохѣ, который произвела въ городѣ покупка имъ мертвыхъ душъ. Выпроводивъ Ноздрева, Чичиковъ отдаетъ приказъ Селифану приготовиться къ отъѣзду изъ города.

Глава XI. Въ началѣ этой заключительной главы поэмы описывается отъѣздъ Чичикова изъ города N и его встрѣча съ похоронной процессіей, которая тянулась за гробомъ умершаго прокурора. Затѣмъ авторъ, сдѣлавъ характеристику русской природы и путешествія по русскимъ дорогамъ, подробно разсказываетъ жизнь Чичикова до начала поэмы, описываетъ его дѣтство, первые шаги его служебнаго поприща, его плутни и мошенничества въ таможнѣ, и заканчиваетъ поэму лирическимъ обращеніемъ въ Россіи и русской тройкѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе первой части «Мертвыхъ душъ». Въ его основаніи лежитъ скорѣе созданный поэтической фантазіей вымыселъ, нежели дѣйствительный фактъ. Тѣмъ не менѣе, вымыселъ этотъ весьма правдоподобенъ: нравы русскихъ людей того времени, безцеремонное отношеніе тогдашняго чиновничества къ закону и къ чувству общественной нравственности находились въ такомъ состояніи, что дерзкое предпріятіе Чичикова очень легко могло осуществиться. Истинный смыслъ содержанія поэмы, ея основная идея выражается собственно не въ вымыслѣ, а въ тѣхъ подробностяхъ, съ какими изображена въ произведеніи Гоголя русская жизнь въ ея типическихъ и въ высшей степени оригинальныхъ чертахъ.

Характеристика современнаго помѣщичьяго быта представлена въ художественно созданныхъ типахъ Манилова, Собакевича, Коробочки, Плюшкина и Ноздрева. Хотя въ этихъ людяхъ много

общаго, что объясняется одинаковыми общественными условіями, среди которыхъ они жили, тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ имѣетъ оригинальныя и типическія черты. Маниловъ это идеалъ приторной сентиментальности, соединенной съ безграничной душевной пустотой. Предоставивъ все хозяйство плуту-приказчику, Маниловъ проводитъ время въ праздныхъ мечтаніяхъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, объ огромнѣйшемъ домѣ съ высокимъ бельведеромъ, на которомъ можно было бы пить чай и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ. Это мечтательное бездѣйствіе отражается и на всемъ его хозяйствѣ. Сѣренькія бревенчатыя избы, отсутствіе всякой зелени, общипанный пѣтухъ, безпорядокъ въ домѣ, гдѣ рядомъ съ мебелью, обитой шегольской матеріею, непремѣнно находятся два кресла, обтянутыя парусиною—вотъ необходимые внѣшніе признаки того быта, среди котораго спокойно живетъ Маниловъ. Въ бесѣдѣ съ Чичиковымъ Маниловъ высказываетъ, что пріятно съ добрымъ пріятелемъ «слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелить душу». Но въ устахъ его это только одни пустыя слова; въ дѣйствительности же это былъ человѣкъ совершенно неразвитый и необразованный: «въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14-й страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года». Красивыя рѣчи, приторно-вѣжливое обращеніе для Манилова представляютъ верхъ человѣческой добродѣтели. Какъ человѣкъ ума ограниченнаго, онъ не въ состояніи замѣтить притворства и лжи, разъ онѣ выражены чувствительной и красивой фразой: слова Чичикова о мнимыхъ гоненіяхъ за правду, совершенно растрогиваютъ его, на глазахъ его навертываются даже слезы, и онъ такъ горячо жметъ руку гостя, что тотъ не знаетъ какъ ее выручить. У Манилова всѣ были самые добрые, препочтительнѣйшіе и прелюбезнѣйшіе люди, къ нимъ же онъ причисляетъ и самого Павла Ивановича, говоря, что съ радостью отдалъ бы половину своего состоянія, чтобы имѣть хоть часть тѣхъ достоинствъ, которыя, по его мнѣнію, имѣлъ Чичиковъ. Довѣрчивый и снисходительный до смѣшного, Маниловъ только на минуту смущается покупкою мертвыхъ душъ; когда же Чичиковъ высказываетъ, что предпріятіе его

Библиотека Инв. № 2 14817 Усовершенствования. Учителей
Библиотека Фонд

нисколько не противорѣчитъ гражданскимъ законамъ, что онъ самъ потерпѣлъ за правду, за то, что былъ чистъ совѣстью, подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной и сиротѣ горемыкѣ, то Маниловъ, ошеломленный фразой, вѣритъ этимъ словамъ, уступаетъ Чичикову мертвыя души задаромъ и по отъѣздѣ гостя долго мечтаетъ о томъ, какъ онъ находится въ самой тѣсной дружбѣ съ Чичиковымъ и какъ начальство, узнавъ объ этомъ, пожаловало ихъ генералами.

Въ фигурѣ Собакевича поэтъ представляетъ намъ другія черты. Собакевичъ грубъ и неотесанъ: нисколько не стѣсняясь присутствіемъ гостя, онъ во время обѣда разсказываетъ о томъ, что губернаторскій поваръ-французъ подалъ однажды на столъ ободраннаго кота вмѣсто зайца. Собакевичъ большой врагъ французской кухни; за его столомъ подаютъ все русскія кушанья и въ огромномъ количествѣ. «Возьмите барана, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: это бараній бокъ съ кашей! Это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. «Это все выдумали доктора нѣмцы, да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это! Выдумали діету, лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ. Нѣтъ это все не то... Толкуютъ просвѣщеніе, а это просвѣщеніе—фукъ! У меня не такъ. У меня, когда свинина—всю свинью давай настолъ, баранина—всего барана тащи, гусь—всего гуся. Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ». Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ въ тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки. Въ противоположность Манилову, Собакевичъ безъ церемоніи отзывается о городскихъ властяхъ, называетъ ихъ дураками, подлецами и разбойниками. Обжора и совершенный медвѣдь по своимъ внѣшнимъ свойствамъ, Собакевичъ представляетъ собою образецъ натуры безчувственной и равнодушной ко всему, кромѣ ѣды и мелкой наживы. «Казалось (говоритъ поэтъ) въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣши-

тельно никакого потрясенія на поверхности. Но главная типическая черта Собакевича—это его кулачество. Видя, что сдѣлка съ Чичиковымъ представляетъ для него лакомый кусочекъ, онъ сразу запрашиваетъ по сту рублей за душу. Чичиковъ, разумѣется, удивляется такой цѣнѣ и предлогаетъ полтора рубля, но Собакевичъ, какъ лавочникъ, начинаетъ восхвалять свой товаръ. «Да чего вы скупитесь?» говоритъ онъ, «право не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ наотборъ», и потомъ перечисляетъ достоинства каретника Михѣева, плотника Пробки, сапожника Максима Телятникова, который что шиломъ кольнетъ, то и сапоги. Чичиковъ не соглашается. Собакевичъ сбавляетъ свою цѣну на половину и съ намѣреніемъ обмануть покупателя намекаетъ ему, что подобнаго рода покупки не всегда позволительны. Когда же Чичиковъ говоритъ послѣднюю цѣну—два рубля съ полтиною и собирается уходить, то Собакевичъ удерживаетъ его, отдаетъ ему души по его цѣнѣ, и въ концѣ концовъ плутуетъ, вписывая въ реестръ крестьянъ бабу.

У Собакевича тугой, сосредоточенный характеръ. Къ тому же разряду людей относятся Коробочка и Плюшкинъ. Скопидомство и мелкая разсчетливость — главныя черты въ характерѣ Коробочки. «Это была одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову на бокъ, а между тѣмъ набираютъ по немножку деньженокъ въ пестрядевые мѣшочки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшочекъ собираютъ все цѣлковики, въ другой полтинники, въ третій четвертаки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго солопа». Чичиковъ называетъ Коробочку дубиноголовою. И глупость ея, дѣйствительно, изумительная: она никакъ не можетъ понять, что покупка умершихъ крестьянъ должна состояться только на бумагѣ, и серьезно думаетъ, что покупщикъ будетъ откапывать ихъ изъ земли. Коробочка видитъ, что дѣло-то, по разговорамъ Чичикова, какъ будто и выгодно, но въ то же время боится, какъ бы покупщикъ не обманулъ ее: до сихъ поръ она продавала пеньку и сало, а о такомъ товарѣ, о которомъ говоритъ Чичиковъ, ей ни разу не

приходилось слышать. Съ крайнею безтолковостью соединяется въ Коробочкѣ и суевѣріе. Когда Чичиковъ, выйдя изъ терпѣнія посулилъ ей чорта, то чорта помѣщица испугалась необыкновенно. «Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!» вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ, «еще третьяго дня всю ночь снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да видно въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ». При всемъ томъ въ Коробочкѣ есть и хорошія черты: она гостепріимна и любитъ заниматься хозяйствомъ; крестьянскія избы ея деревеньки поддерживаются какъ слѣдуетъ и показываютъ довольство обитателей; въ сараяхъ видны запасныя телѣги.

Типическою чертою въ характерѣ Плюшкина является скупость. Поэтъ изображаетъ два періода въ жизни этой личности. Сначала Плюшкинъ совершенно вѣрно смотрѣлъ на хорошее веденіе хозяйства, какъ на источникъ счастія и благосостоянія семьи и подвластныхъ ему крѣпостныхъ. Но ошибочно думая, что хозяйство заключается въ однѣхъ мелочахъ, онъ на нихъ только и начинаетъ обращать вниманіе, собираетъ всякую дрянь какую находитъ на улицѣ, и мало-по-малу доходитъ до ужасающей скаредности. Скупость, обратившаяся въ страсть, всецѣло овладѣваетъ Плюшкинымъ: изъ хорошаго и гостепріимнаго помѣщика, у котораго сосѣди учились когда-то хозяйственной мудрости и благоразумной экономіи, онъ обращается въ жалкаго, ничтожнаго человѣка, одѣтаго въ лохмотья. Онъ богатъ, но, какъ всѣ скупцы, скрываетъ свои богатства отъ людей, не любитъ говорить о нихъ и представляетъ себя человѣкомъ неимущимъ.

— Мнѣ, однакожъ, сказывали, скромно замѣтилъ Чичиковъ, что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ. Онъ пересмѣшникъ; видно хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ баютъ—тысяча душъ, а подитка сосчитай, а ничего не начтешь!

Подъ вліяніемъ страсти измѣняются и отношенія Плюшкина къ людямъ его окружающимъ: онъ дѣлается подозрительнымъ, смотритъ на крѣпостныхъ, какъ на воровъ и мошенниковъ, готовыхъ каждую минуту пустить его по міру. Не найдя четвертуш-

ки бумаги, Плюшкинъ называетъ ключницу Мавру воровкой и разбойницей, пугаетъ ее страшнымъ судомъ, на которомъ черти припекутъ ее желѣзными рогатками. Онъ ни гроша не даетъ виновной дочери и сыну, не можетъ продать своихъ продуктовъ покупщикамъ, ибо запрашиваетъ съ нихъ очень дорого; а между тѣмъ таскаетъ въ домъ и сноситъ въ одну кучу все, что ему попадается: и ведро, забытое у колодца, и шпору, потерянную проѣзжимъ офицеромъ, и обломокъ лопаты. Крестьянскія избы въ его деревнѣ ветшаютъ и разваливаются, въ самомъ домѣ всѣ окна закрыты ставнями; въ его прихожей валяется пара сапогъ, единственная для всей дворни: слуги, отплясывая по двору босикомъ, при входѣ въ барскія комнаты, поперемѣнно надѣваютъ эти сапоги и потомъ уже являются въ гостиной. „Плюшкинъ (слова Стоюнина) вездѣ является передъ нами русскимъ помѣщикомъ того времени, когда крестьяне были въ полной зависимости отъ помѣщика. При другихъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ отношеніяхъ крестьянинъ не позволилъ бы такъ обирать и разорять себя; дворовый человѣкъ не сталъ бы переносить отъ него такихъ обидъ и брани: каждый изъ нихъ обратился бы къ защитѣ закона, который и ограничилъ бы его своеволіе. Страсть его здѣсь не нашла бы себѣ пищи и должна бы была выразиться иначе, сообразно съ другою обстановкою. Здѣсь Плюшкинъ, пользуясь своимъ помѣщичьимъ правомъ, безсознательно дѣйствовалъ во вредъ своимъ выгодамъ, но оставаясь вѣрнымъ своей страсти. Ослѣпленный ею, онъ грабилъ своихъ крестьянъ, думая увеличить свои богатства и усилить свое хозяйство, развращалъ дворовыхъ людей обидными подозрѣніями, полагая, что сохранитъ тѣмъ цѣлость всего накопленнаго имъ добра. Ему не приходило на умъ, что при крѣпостныхъ отношеніяхъ помѣщикъ, разоряя крестьянъ, самъ себя разоряетъ, и наоборотъ, только и могъ богатѣть тотъ помѣщикъ, у котораго крестьяне имѣли возможность жить въ нѣкоторомъ довольствѣ. Онъ не разсуждалъ объ этомъ, и слѣдствіемъ были побѣги крестьянъ и общая нищета, съ которой уже нечего было взять. Но какъ ни великъ былъ разрывъ между Плюшкинымъ и обществомъ, отъ котораго онъ отказался въ своей замкнутой, уединенной жизни, однакожъ и онъ не могъ совершенно отречься отъ нѣкоторыхъ національныхъ

обычаевъ, которые пользуются въ народѣ общимъ уваженіемъ и считаются обязательными для всякаго, какъ напр. гостепріимство. Хотя онъ и признаетъ, что завели пренепріличный обычай ѣздить въ гости, потому что черезъ это бываетъ упущеніе въ хозяйствѣ, и хотя объясняетъ, что у него кухня предурная, того и гляди, что пожаръ сдѣлается; но когда Чичиковъ представляется ему благодѣтелемъ, то первая мысль скупого помѣщика была угостить нежданнаго благодѣтеля. Конечно, это угощеніе выразилось въ самыхъ карикатурныхъ формахъ, какъ и слѣдуетъ у подобнаго скряги; страсть и здѣсь проявилась во всемъ своемъ безобразіи, точно такъ же, какъ и въ желаніи сдѣлать благодѣтелю какой-либо подарокъ. Наконецъ торгъ душами отлично изображаетъ намъ и скупого, и помѣщика, и русскаго, представляетъ такую сцену, какая могла быть только въ извѣстное время въ русской жизни".

Рѣзкою противоположностью Плюшкину является типъ Ноздрева. Это человѣкъ съ наклонностями и страстью къ безпрерывной кипучей дѣятельности, но при полномъ отсутствіи нравственнаго развитія, эта дѣятельность проявляется въ самыхъ грубыхъ и даже неблаговидныхъ формахъ. Картежная игра, по временамъ мошенническая, безпробудное пьянство и кутежи — вотъ обычныя и любимыя развлеченія Ноздрева. Идеалы его штабсъ ротмистръ Поцѣлуевъ, да поручикъ Кувшинниковъ — оба кутилы во всей формѣ. Гоголь иронически называетъ Ноздрева человѣкомъ *историческимъ*: ни одно собраніе, гдѣ онъ бывалъ, не обходилось безъ какой-нибудь скандальной исторіи. Фамильярность Ноздрева безгранична: мало знакомый Чичикову, онъ уже говоритъ ему *ты*, хотя тотъ и не подаетъ ему никакого повода, называетъ его свинтусомъ, скотоводомъ и т. п. эпитетами. Образъ жизни Ноздрева, весьма естественно, отражался и на дурномъ состояніи его хозяйства: конюшни его были пусты, поля во многихъ мѣстахъ состояли изъ кочекъ, въ домѣ господствовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Равнодушный къ хозяйству, Ноздревъ, тѣмъ не менѣе, энергиченъ и терпѣливъ, когда дѣло касается плутовства; онъ по цѣлымъ днямъ не выходитъ изъ комнаты и съ большимъ вниманіемъ занимается «подбираніемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ

дюжинъ картъ одной таліи *), но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга». Типическою чертою Ноздрева является беззастѣнчивое лганье, соединенное нерѣдко съ желаніемъ нагадить ближнему безъ всякой задней мысли и нужды. «Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку, и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ: напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь подружески и даже говорилъ: «вѣдь ты такой подлецъ — никогда ко мнѣ не заѣдешь». На балѣ у губернатора, обличая Чичикова въ торговлѣ мертвыми душами, Ноздревъ въ то же время ведетъ такую рѣчь, вполнѣ обрисовывающую его характеръ: «Ужъ ты братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть, просто, если бы вы сказали, вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: «Ноздревъ! скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ?» скажу — Чичиковъ, ей Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!» Въ этомъ человѣкѣ мы видимъ полное отсутствіе нравственныхъ убѣжденій: Ноздревъ угощаетъ Чичикова крѣпкимъ виномъ съ тою цѣлью, чтобы обыграть его въ карты; онъ нисколько не обижается на тѣхъ, которые прибьютъ его, и обращается съ ними подружески какъ ни въ чемъ не бывало. Ноздревъ человѣкъ юркій и въ высшей степени неугомонный. Юркость характера Ноздрева, соединенная съ хвастовствомъ и ложью, особенно хорошо выражается въ разговорѣ съ Чичиковымъ по поводу мертвыхъ душъ, когда онъ предлагаетъ послѣд-

*) Талія, въ банкѣ, штосѣ и др. азартныхъ играхъ называется все продолженіе времени, пока у банкомета не выйдетъ вся колода картъ, которой онъ мечетъ (Словарь Толля).

нему купить у него сначала десятитысячнаго жеребца за четыре тысячи, а души дать въ придачу, потомъ каурую кобылу и сѣраго коня за двѣ тысячи, наконецъ шарманку за девятьсотъ руб. Игра въ карты любимое развлеченіе Ноздрева. Но выигрышъ его не прельщаетъ: «если случится ему обыграть какого-нибудь простачка, то онъ тотчасъ накупитъ всякой всячины и не только все это проиграетъ; но спуститъ еще свою четверню съ коляской и кучеромъ, такъ что отправляется въ коротенькомъ сюртучкѣ и архалукѣ искать пріятеля, чтобы пользоваться его экипажемъ».

Таковы типы помѣщиковъ. Гоголь весьма художественно, вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, воспроизвелъ въ нихъ тѣ существенные недостатки и пороки, которые развиты были въ средѣ помѣщичьяго сословія средней руки подъ вліяніемъ господства крѣпостного права. Такъ же художественно и своеобразно, хотя и не съ такими подробностями, изображаются въ поэмѣ и типы городскихъ обывателей-чиновниковъ. Ихъ жизнь, полная нравственнаго убожества, такъ же пуста, такъ же безсодержательна, какъ и жизнь Ноздревыхъ, Собакевичей и т. п. людей. Между чиновниками являются преоригинальные типы: губернаторъ занимается вышиваніемъ по тюлю, полицеймейстеръ навѣдывается въ лавки и гостиный дворъ, какъ въ собственную кладовую. Халатное отношеніе къ исполненію обязанностей службы вмѣстѣ со страхомъ къ высшему начальству, незаконные поборы ради удовлетворенія прихотей женъ, добродушіе и гостепріимство, соединенныя съ замѣчательнѣйшею наивностью — вотъ тѣ черты, которыми характеризуется современное автору провинціальное чиновничество. Всѣ чиновники обращаются съ Чичиковымъ, какъ съ дорогимъ близкимъ родственникомъ, называютъ его ласкательными именами, угощаютъ его. Расположеніе ихъ къ этому человѣку еще болѣе увеличивается, когда они узнаютъ, что дорогой ихъ Павелъ Ивановичъ не болѣе, не менѣе какъ милліонеръ. Но, какъ только пошли темные слухи о Чичиковѣ, тѣ же чиновники сразу охладѣваютъ къ прежнему любимцу: рукопожатія и лобызанія смѣняются холоднымъ обращеніемъ и даже отказомъ въ пріемѣ. Нравы значительной части губернскаго общества, его своеобразные взгляды, способъ выраженія превосходно изображаются въ слѣд. отрывкѣ:

«Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ преній многіе отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета. «Конечно», говорили иные, «это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ точно хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой. — «Это бы еще ничего, что нѣтъ воды, это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ, но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ — ни избы, ни двора, — убѣжитъ какъ дважды два, навострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь. — «Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу».—Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова? Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія». — «Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы, но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ—просто въ мірѣ да и по исторіи то же».—«Никогда, никогда», говорилъ управляющій казенными фабриками», повѣрьте никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю, въ двѣ недѣли изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтается крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ.

чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова и чтобъ онъ держалъ въ ежевыхъ руковицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а самъ таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы зуботычину и подзатыльникъ». — «Зачѣмъ же Чичикову водиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя». — «Да, найдете управителя; всѣ мошенники!» — «Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ». — «Это правда!» подхватили многіе. «Знай господинъ самъ хотя сколько нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей — у него будетъ всегда хорошій управитель». Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000 нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно найти и за 3000. Но управляющій сказалъ: «Гдѣ же вы его сыщите? развѣ у себя въ носу?». Но предсѣдатель сказалъ: «Нѣтъ не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно — Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова! Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его существуетъ власть капитана-исправника, что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго ихъ мѣста жительства. Многіе предложили свои мнѣнія на счетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезъ-чуръ отзывались военною жестокостью и строгостью, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія. Такимъ образомъ разсуждали говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участіемъ, сообщили

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ
БИБЛІОТЕКА

даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сы[illegible] совѣтовъ, пре[illegible]ни даже конвой для безопаснаго препровожде[illegible]тьянъ [illegible]мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благода[illegible]говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленныя имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ».

Такъ же рельефно представлены типы провинціальныхъ женщинъ. Любовь и увлеченіе свѣтскими приличіями доходитъ у нихъ до смѣшного; визиты онѣ считаютъ священною вещью и изъ-за ихъ манкировки ссорятся такъ, что на всю жизнь дѣлаются непримиримыми врагами. Ихъ разговоръ отличается всегда глупою чопорностью: «Онѣ никогда не говорили: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка». Сплетничество, доведенное до совершенства, балы и вечеринки, любовныя интрижки, вѣчные толки и разговоры о выкройкахъ, да о модныхъ нарядахъ—вотъ чѣмъ разнообразится жизнь этихъ милыхъ, но въ сущности ничтожныхъ существъ. Пустота такой жизни, конечно, объясняется ненормальностью воспитанія, какое получала тогдашняя женщина. Гоголь такъ описываетъ комическія стороны этого воспитанія: «Манилова воспитана хорошо; а хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ, а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время; все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ ужъ хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ ужъ фортепьяно. Разные бываютъ методы».

Черты простонароднаго быта изображены очень кратко въ образахъ Петрушки и кучера Селифана, а также въ разсужденіяхъ Чичикова, когда онъ просматриваетъ роспись крестьянъ, пріобрѣтенныхъ имъ у помѣщиковъ. Лакей Петрушка отличается молчаливостью, онъ любитъ спать, не раздѣваясь, и носитъ всегда съ собою какой-то особенный воздухъ, отзывающійся жилымъ покоемъ. Кучеръ Селифанъ — человѣкъ серьезнаго нрава; выпивши, онъ ужасно любитъ, обращаясь къ лошадямъ, читать имъ и самому себѣ нравоученія. Во время дороги, когда бричка опрокидывается въ грязь, Селифанъ, не обращая вниманія на то, что баринъ барахтается въ грязи, становится передъ бричкою, подпирается обѣими руками въ бока и говоритъ совершенно равнодушно: «вишь ты и перекинулась»; когда же Чичиковъ обѣщаетъ его посѣчь, то онъ пренаивнѣйшимъ образомъ отвѣчаетъ: «какъ милости вашей будетъ угодно, коли высѣчь, то и высѣчь; я ни чуть не прочь отъ того. Почему же не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому-что мужикъ балуется: порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему-жъ не посѣчь?» Въ разсужденіяхъ Чичикова Гоголь представляетъ еще нѣсколько чертъ характера простого народа: его неумѣлость въ стремленіяхъ къ легкой наживѣ и вѣчную жалобу на нѣмцевъ мѣшающихъ ему жить, его равнодушіе къ смерти, его бродяжничество, какъ слѣдствіе ненормальныхъ условій крѣпостного состоянія.

Связь отдѣльныхъ частей поэмы, разгадка основной ея мысли представляются въ характерѣ главнаго героя, отставного коллежскаго совѣтника Павла Ивановича Чичикова. Въ одномъ мѣстѣ поэмы Гоголь называетъ Чичикова хозяиномъ-пріобрѣтателемъ, т. е. такимъ практическимъ человѣкомъ, который стремится къ пріобрѣтенію богатства, думая, что въ немъ единственный источникъ всевозможнѣйшихъ удобствъ и благъ жизни. Страсть къ пріобрѣтенію начинаетъ развиваться въ Чичиковѣ еще съ дѣтства. Бѣдность и неприглядность семейной обстановки, сухая прописная мораль отца, сопровождавшаяся подчасъ колотушками, характеръ той школы, гдѣ учился мальчикъ и гдѣ на образованіе смотрѣли какъ на вещь постороннюю, а способности

и дарованіе считали вздоромъ разъ ученикъ обнаруживалъ внѣшнее благонравіе въ родѣ прислуживанія учителямъ—всѣ эти обстоятельства не могли, конечно, развить въ душѣ Чичикова добрыхъ началъ нравственности и направить его способности въ хорошую сторону. Совѣты отца угождать начальникамъ, водиться съ тѣми изъ товарищей, которые побогаче, а главное беречь и копить копѣйку, какъ самую надежную вещь въ свѣтѣ, заронились глубоко въ душу Павлуши. Вступивъ въ школу, онъ сейчасъ же и начинаетъ примѣнять отцовскую теорію къ практикѣ: держитъ себя въ классѣ смирно, какъ его ни щиплютъ сзади, безпрестанно кланяется учителю, подаетъ ему «треухъ», изобрѣтаетъ разнаго рода бездѣлушки и съ барышомъ продаетъ ихъ товарищамъ. Въ немъ уже тогда обнаруживаются свойства практическаго человѣка, для котораго всѣ средства хороши, разъ они ведутъ къ удовлетворенію личныхъ интересовъ. Въ годы юности, когда сердце человѣка еще не искушено соблазнами жизни, Чичиковъ уже успѣлъ заглушить въ себѣ добрыя чувства. «Когда учитель, у котораго учился Чичиковъ, былъ уволенъ отъ службы и впалъ въ нищету, то бывшіе ученики его умники и острякп, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное: одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: «Эхъ ты жила!» Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать», произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ Павлуша! вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ»...

Практичность сплошь и рядомъ граничитъ съ беззастѣнчивымъ плутовствомъ, прикрытымъ маскою ловкаго обращенія, вѣжливости и самаго тонкаго приличія. Такимъ и представляется намъ Чичиковъ въ теченіе всего дѣйствія поэмы; изъ практическаго человѣка въ немъ выработался, подъ вліяніемъ благо-

пріятныхъ жизненныхъ условій, типъ замѣчательно-тонкаго плута. Съ первыхъ же шаговъ служебнаго поприща, въ качествѣ мелкаго чиновника казенной палаты, Чичиковъ уже опредѣляетъ себѣ цѣль, во чтобы то ни стало, пробить дорогу, не затеряться въ толпѣ простыхъ служакъ. «Ему (говоритъ поэтъ) мерещились впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками, экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды. Все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе непостижимое имъ самимъ». Энергія Чичикова изумительна. Обличенный въ какой-нибудь плутовской продѣлкѣ, онъ не унывалъ. «Что-жъ», говорилъ онъ, «зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось—не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать», и снова съ удвоенною неутомимостью и адскимъ терпѣніемъ принимается за новую плутню, обнаруживая еще большую изобрѣтательность.

Посмотримъ, какъ ведетъ себя Чичиковъ, какія средства онъ употребляетъ въ борьбѣ съ тѣми силами, которыя ему нужно эксплоатировать для успѣха своего предпріятія. Зная отлично, что люди склонны придавать большое значеніе внѣшности, Чичиковъ серьезно занимается своимъ туалетомъ: онъ брѣется такъ, что щеки по гладкости и лоску дѣлаются похожими на настоящій атласъ, онъ всегда одѣвается въ модный фракъ. Когда по окончаніи карточной игры, затѣвается споръ, то Чичиковъ споритъ чрезвычайно искусно; онъ никогда не говоритъ: «вы пошли», но, «вы изволили пойти, я имѣлъ честь покрыть вашу двойку» и т. п. Какъ человѣкъ умный, Чичиковъ находчивъ и умѣетъ поддержать бесѣду даже о такомъ предметѣ, который ему мало извѣстенъ. «О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ—и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія: трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою—онъ показалъ, что ему не безъизвѣстны и судейскія продѣлки; — было-ли разсужденіе о билліардной лигрѣ—и въ билліардной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили и о добродѣтели — и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможен-

ныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни поверти, былъ очень порядочный человѣкъ».

Чичиковъ это живое олицетвореніе житейской мудрости въ практическомъ смыслѣ. Онъ обладаетъ замѣчательною способностью подмѣтить слабую сторону человѣка и ловко воспользоваться ею для своихъ выгодъ: его поступокъ съ суровымъ, безчувственнымъ повытчикомъ образецъ ловкости съ сферѣ житейской дипломатіи. Въ разговорѣ Чичиковъ умѣетъ приноровиться къ характеру человѣка. Замѣтивъ сентиментальность Манилова, его страсть къ сердечнымъ изліяніемъ, онъ пускаетъ въ оборотъ цѣлый потокъ чувствительныхъ фразъ о пріятностяхъ уединенной жизни, о наслажденіяхъ природой и, разсказывая о гоненіяхъ, какія будто бы испыталъ за правду, сравниваетъ себя съ баркой среди свирѣпыхъ волнъ. Напротивъ, съ Коробочкой онъ обходится безъ всякихъ церемоній, сулитъ ей чорта и сравниваетъ старуху съ дворняжкой, что лежитъ на сѣнѣ. Задумавъ мошенническую продѣлку, Чичиковъ ведетъ себя чрезвычайно осторожно: какъ хорошій полководецъ, онъ долго и серьезно обдумываетъ планъ дѣйствій, до тонкости изучаетъ обстановку, въ которой ему придется вести борьбу, и только тогда рѣшается пустить въ ходъ всѣ силы съ вѣрнымъ разсчетомъ на побѣду. Получивъ мѣсто въ таможнѣ, Чичиковъ ревностно принимается за свое дѣло; обнаруживаетъ необыкновенную проницательность и расторопность, честность и неподкупность. Такими дѣйствіями онъ добивается повышенія, и добившись, начинаетъ мошенническую продѣлку: вступаетъ въ сообщество съ контрабандистами и устраиваетъ остроумное путешествіе испанскихъ барановъ, которые, совершивъ походъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ ними на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Чтобы замаскировать грязную сторону своихъ дѣяній. Чичиковъ всегда старается, конечно на словахъ только, показать себя ярымъ поклонникомъ и точнымъ блюстителемъ закона. Вотъ напр. отрывокъ изъ разговора съ Маниловымъ, характеризующій эту черту героя поэмы:

— И такъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости, сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ! сказалъ Чичиковъ. Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это я потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня—дѣло священное, законъ — я нѣмѣю предъ закономъ.

Для людей, которыхъ писатель представилъ въ образѣ Чичикова, не существуетъ понятія о нравственности: для нихъ важно только то, чтобы была соблюдена внѣшняя, формальная сторона закона. Во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ личный интересъ и матеріальный расчетъ у Чичикова стоятъ на первомъ планѣ. При встрѣчѣ съ блондинкой, Чичиковъ представляетъ себѣ симпатичныя черты характера этой дѣвушки, насколько могъ онъ судить о нихъ по ея наружности, хвалитъ ея красоту, т. е. повидимому, въ немъ пробуждаются добрыя чувства, но въ концѣ концовъ онъ заключаетъ свои мысли самыми практическими соображеніями: «А любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ, богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава, или просто благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысченокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка». Какъ низокъ уровень нравственнаго развитія въ Чичиковѣ, это видно изъ того, что онъ старается оправдать себя въ своихъ видимо безчестныхъ поступкахъ. «Почему жъ я? за чѣмъ на меня обрушилась бѣда! Кто жъ зѣваетъ теперь по должности? всѣ пріобѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого; я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по міру; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я, другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? что скажутъ потомъ мои дѣти? Вотъ, скажутъ, отецъ—скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!» Чичиковъ, конечно, человѣкъ умный: безъ ума ему трудно было бы достигнуть успѣха своему предпріятію, трудно

было бы выходить сухимъ изъ воды въ различныхъ случаяхъ жизни. Но умъ этотъ, къ сожалѣнію, направленъ въ дурную сторону. Вотъ какъ характеризуетъ эту четру самъ Гоголь словами откупщика Муразова, одного изъ героевъ второй части поэмы. «Ахъ, Павель Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ! (говоритъ Муразовъ) какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы съ такою же силою и терпѣніемъ да подвизались бы на добромъ пути, имѣя лучшую цѣль. Боже мой! Сколько бы надѣлали добра! Если бы хотя кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребилъ бы столько усилій для него, какъ вы для добыванія своей копейки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра, какъ вы не жалѣли для добыванія своей копейки!» Богатство тогда только можетъ быть осмысленно, тогда только возбудитъ уваженіе и любовь къ человѣку имъ обладающему, когда оно прилагается къ общему дѣлу, на пользу общественную. Чичиковъ же смотритъ на богатство, какъ на средство для удовлетворенія мелкихъ страстишекъ. Замѣтимъ при этомъ, что Чичиковъ достигаетъ успѣха не только благодаря своей изобрѣтательности и ловкости, но и вслѣдствіе снисходительности и нравственаго ничтожества того общества, въ которомъ онъ врашается. Въ самомъ дѣлѣ, какой отпоръ могъ сдѣлать Чичикову какой-нибудь Собакевичъ, всю жизнь стремившійся къ легкой наживѣ, или та ватага чиновниковъ, представленныхъ въ поэмѣ, у которыхъ не было ни капли сознанія общественнаго долга? Чичиковъ не что иное, какъ продуктъ того же общества, плоть отъ плоти его; онъ отличается отъ него только большею степенью практичности ума, внѣшними манерами, умѣньемъ держать себя, нравственно же воспитанъ ничуть не лучше какого-нибудь Ноздрева или Собакевича.

Таковъ Чичиковъ. Это глубоко-задуманный общественный типъ: въ немъ поэтъ представляетъ такіе пороки, которые развились не въ отдѣльной какой-нибудь средѣ, а въ различныхъ слояхъ русскаго общества. Чичиковщина—это болѣзнь, симптомы которой проявляются нерѣдко и въ наше время. Если сопоставить характеристику Чичикова съ тѣми пошлыми чертами дѣйствительности, которыя писатель обрисовалъ во всѣхъ другихъ типахъ, то ясно представится, что нравственное паденіе человѣка, т. е. развитіе

въ немъ низкихъ стремленій и доведенное до страсти поклоненіе золотому тельцу ради увовлетворенія своего эгоизма, обусловливается съ одной стороны отсутствіемъ въ человѣкѣ добрыхъ нравственныхъ началъ, съ другой ненормальностью той общественной среды, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Показать это паденіе въ живыхъ образахъ и картинахъ изъ современной жизни и было, какъ мы думаемъ, общею мыслью писателя, которую онъ проводитъ въ своемъ произведеніи.

Обозрѣвая содержаніе поэмы, мы видимъ, что разсказъ во многихъ мѣстахъ прерывается такъ называемыми *лирическими отступленіями*, въ которыхъ читатель знакомится съ мыслями и впечатлѣніями самого автора, съ его отношеніемъ къ тому, что изображено имъ въ его произведеніи. Остановимся на болѣе важныхъ отступленіяхъ. Въ началѣ шестой главы Гоголь вспоминаетъ о годахъ своего дѣтства и сравниваетъ ихъ съ эпохою зрѣлости. Въ годы дѣтства любопытнымъ взглядомъ всматривался онъ во все, что его окружало; ничто не ускользало отъ его свѣжаго, тонкаго вниманія; картины жизни, занимавшія его молодое воображеніе, возбуждали живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи. Въ эпоху зрѣлости впечатлѣнія поэта получаютъ иное направленіе: онъ начинаетъ равнодушно смотрѣть на всякую незнакомую деревню, его охлажденному взору становится непріятно и несмѣшно. Можно думать, что въ этомъ отступленіи Гоголь намекаетъ на тотъ юморъ, который, являясь характеристическимъ свойствомъ его поэзіи, мѣнялъ свое направленіе съ развитіемъ таланта. Юношескій юморъ Гоголя проникнутъ былъ веселымъ смѣхомъ, но потому, что въ немъ много было неопредѣленнаго. Но чѣмъ ближе поэтъ сталъ подходить къ фактамъ дѣйствительности и чѣмъ болѣе онъ былъ строгъ къ выбору сюжетовъ, тѣмъ ярче бросалась ему въ глаза ихъ пошлая сторона: юморъ его сталъ глубже вникать въ общественную жизнь, открывать въ ней болѣзненныя стороны, которыя должны были возбуждать въ поэтѣ смѣхъ, соединеный съ грустью. Седьмая глава поэмы также начинается большимъ лирическимъ отступленіемъ, въ которомъ Гоголь представляетъ судьбу комическаго писателя, сравнивая ее съ судьбою писателя-идеалиста, въ произведеніяхъ котораго изо-

бражаются положительныя стороны жизни. Послѣдній, рисуя идеалы прекраснаго, вращаясь въ мірѣ отторгнутыхъ отъ земли и возвышенныхъ образовъ, пользуется громкою славою: ему рукоплещутъ люди, «при одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя, пылкія сердца». Не такова судьба писателя, который воспроизводитъ въ своихъ произведеніяхъ «потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь», который изображаетъ не возвышенные, а обыденные характеры: его ждутъ не слава, не восторги, а презрѣніе и злоба современнаго общества. Гоголь съ печалью отмѣчаетъ фактъ такого презрительнаго отношенія къ комическому писателю, онъ видитъ въ этомъ заблужденіе общества, которое, по его словамъ, не хочетъ понять, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движеніе незамѣченныхъ насѣкомыхъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія. Какъ въ прежнихъ сочиненіяхъ, такъ и въ данномъ отступленіи Гоголь, очевидно, старается показать, что люди, по крайней мѣрѣ большинство, не умѣютъ часто различить кривлянья балаганнаго скомороха отъ высокаго, восторженнаго смѣха, отчего и является несправедливая оцѣнка значенія истинно-комическаго писателя. Между тѣмъ, высокій, восторженный смѣхъ, какъ справедливо говоритъ Гоголь, исходитъ изъ глубокаго чувства любви къ человѣчеству и достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ. Весьма замѣчательны, какъ по идеѣ, такъ и по силѣ и глубинѣ чувства, тѣ лирическія отступленія, которыми заканчивается поэма. Обращаясь къ Руси, Гоголь въ общихъ чертахъ представляетъ ея природу въ сравненіи съ природою чужихъ странъ. Природа Россіи, по его словамъ, отличается бѣдностью: нѣтъ въ ней ни шумящихъ водопадовъ, ни сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса: это огромная, безпредѣльная, пустынная равнина, въ которой нѣтъ ничего, чтобы могло обольстить и очаровать вашъ взоръ. Тѣмъ не менѣе и эта скудная природа влечетъ къ себѣ поэта, онъ чувствуетъ какую-то непостижимую связь съ нею; ему нравится народная пѣсня, хотя заунывно-тоскливые звуки ея и болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ его душу. Описавъ высокопоэтическими словами любовь русскаго человѣка къ быстрой ѣздѣ, Гоголь подъ видомъ быстро несущейся тройки аллегорически изо-

бражаетъ нравственную мощь русскаго народа. Такимъ образомъ. несмотря на отрицательное изображеніе русской дѣйствительности. зависѣвшее, между прочимъ, и отъ свойства таланта, Гоголь, какъ истинный патріотъ, глубоко любилъ Россію и русскій народъ, вѣруя въ его силу и будущее призваніе.

Такимъ образомъ существеннымъ отличіемъ поэмы Гоголя отъ прежнихъ его произведеній является субъективность. «Но здѣсь надо разумѣть (слова Бѣлинскаго) не ту субъективность, которая по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ: но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-личною самостью, ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленіе внѣшняго міра, а чрезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ напр., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, «который изъ великаго омута ежедневно-вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко-отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы»; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ «писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земля, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумалимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи»; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что «вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чорствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плеснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея.

или среди однообразно хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтиться на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего кромѣ сельской телѣги,—и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, наприм., объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: «Эхъ. русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью!»...

Помимо лирическихъ отступленій, поэма „Мертвыя души“ отличается еще и другими литературными особенностями. Оригинальность произведенія Гоголя прежде всего выражается въ созданіи характеровъ. Гоголь всегда придаетъ типу самыя яркія краски, легко объясняющія идею характера: по тѣмъ чертамъ скупого человѣка, которыя писатель изучилъ на многихъ людяхъ и слилъ въ рельефно-художественномъ образѣ Плюшкина, каждый читатель легко можетъ представить себѣ идею скупости и получить полное отвращеніе къ страсти, уничтожающей въ человѣкѣ все человѣческое. Наблюдательность у Гоголя была развита въ высшей степени. „Я (говоритъ онъ въ *Исповѣди*) никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только и выходило хорошо, что взято мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не *писалъ* портрета въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе сообра-

женія, а не воображенія. Чѣмъ больше вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ больше у меня вѣрнѣе выходило созданіе». Дѣйствительно, если исключить случайныя обмолвки поэта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ заставляетъ Чичикова, человѣка вообще лишеннаго гуманности и благородства, высказывать глубокія мысли о бытѣ народа или размышлять о Собакевичѣ, когда тотъ писалъ расписку, то все остальное въ поэмѣ проникнуто тѣсною связью съ дѣйствительностью. Каждая личность поэмы, даже незначительная, въ родѣ, напримѣръ, лакея Петрушки или стараго повытчика, есть типъ, въ которомъ живо чувствуется полное согласіе съ духомъ времени, съ характеромъ эпохи, изъ которой взято содержаніе поэмы. Въ этомъ отношеніи Гоголь, по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, обладалъ необыкновенною способностью непосредственнаго творчества, т. е. способностью воспроизводить каждый характеръ во всей полнотѣ его жизни, со всѣми тончайшими его особенностями. «Я могъ бы (говоритъ Плетневъ) указать на каждый изъ выведенныхъ Гоголемъ характеровъ, какъ они окружаютъ читателя явленіями русской жизни. Но меня особенно поражаетъ доконченность въ объемѣ всякаго изъ нихъ. Указать на извѣстныя черты какого-нибудь лица можно и не бывши великимъ поэтомъ. У кого есть нѣсколько наблюдательности, памяти и соображенія, тотъ и достигнетъ до описанія удачнаго. Но исчерпать всю глубину недѣлимаго, постигнуть его во всѣхъ обстоятельствахъ, разобрать самыя противоположности его дѣйствій и привести ихъ къ одному началу — вотъ труднѣйшая задача, которую рѣшили одни геніальные писатели. Укажу на характеристику Ноздрева. Не говоря уже о томъ, какъ въ каждомъ его движеніи разыгрывается суета типической жизни, наблюдайте его во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ только авторъ встрѣчается съ нимъ—вы изумлены будете непстощимостью его оттѣнковъ, всегда новыхъ, всегда поэтическихъ, всегда истинныхъ, всегда однородныхъ при самыхъ противорѣчащихъ по наружности дѣйствіяхъ. Подлѣ нашего Ноздрева итальянецъ Яго *) покажется очеркомъ не болѣе: такъ широко провелъ Гоголь по картинѣ своею мастерскою кистью“ (Собр. сочин. т. I, стр. 490).

---

*) Яго—дѣйствующее лицо въ трагедіи Шекспира „Отелло“.

Обратимъ вниманіе еще на одну черту созданія характеровъ. Изображая пошлыя стороны людей, поэтъ вовсе не преслѣдуетъ исключительно сатирическія цѣли. Онъ не подбираетъ намѣренно подобныя стороны ради одного только смѣха или забавы читателей, къ чему очень нерѣдко прибѣгаютъ ограниченные таланты: въ герояхъ своей поэмы писатель изображаетъ просто людей, какими они бываютъ въ дѣйствительности, а не одно только пошлое и отвратительное. Достаточно ограничиться двумя, тремя примѣрами. Маниловъ безспорно глупъ и пошлъ, но онъ человѣкъ не злой, его обманываютъ люди ему подчиненные; Собакевичъ обжора, грубъ и неотесанъ, но въ то же время онъ недурной хозяинъ, и мужику у него живется хорошо; то же самое можно сказать и о Коробочкѣ, въ которой рядомъ съ глупостью и скопидомствомъ есть и хорошія черты, напр. гостепріимство. Даже въ мелочномъ, ничтожномъ и гадкомъ Плюшкинѣ мы видимъ человѣческія черты: онъ съ нѣкоторыми признаками сердечной теплоты вспоминаетъ о товарищѣ дѣтства, трогается добродушіемъ Чичикова и задумываетъ его отблагодарить. Правда, въ каждомъ изъ характеровъ Гоголь старается особенно рельефно выставить одну какую-нибудь черту и даже изображаетъ ее въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, такъ напр. въ Ноздревѣ лганье, въ Маниловѣ сентиментальность; но это дѣлается для яркости изображенія порока, въ интересахъ типичности, и подобное отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ нисколько не отнимаетъ отъ нихъ той естественности, которая составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ художественнаго созданія характеровъ. Перейдемъ къ другимъ особенностямъ «Мертвыхъ душъ». Нѣкоторые критики упрекали Гоголя въ томъ, что въ его поэмѣ изображается одна только пошлая сторона дѣйствительности, что среди ничтожныхъ лицъ нѣтъ ни одного, которое могло бы успокоительно дѣйствовать на душу читателя. Но Гоголь самъ объясняетъ, почему онъ не взялъ въ герои добродѣтельнаго человѣка. «А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои, и можно даже сказать, почему не взятъ. Потому, что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго до того, что теперь нѣтъ на

немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора наконецъ привлечь и плутоватаго. Итакъ припряжемъ его, плутоватаго человѣка». Кромѣ того, примиряющимъ началомъ является тотъ юмористическій смѣхъ, который составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей поэмы Гоголя. Сущность юмора заключается въ несоотвѣтствіи формы съ содержаніемъ. «Напряженіе воображенія въ юморѣ (говоритъ Владиславлевъ въ своей «Психологіи») обратное тому, какое требуется для произведенія сатиры. Въ послѣдней великое и важное нарочно уменьшается и представляется незначительнымъ, въ юмористическомъ произведеніи, напротивъ, малое показывается великимъ. Отсюда понятно, что не всякое содержаніе доступно для юмора. Истинно великое въ дѣлахъ человѣческихъ, равно какъ и въ природѣ, не допускаетъ юмористической формы изложенія, и всякая попытка на нее будетъ безцѣльна... Лишь только юмористу приходится касаться глубокихъ чувствъ, онъ долженъ на это время покинуть свой тонъ; иначе юморъ будетъ казаться безсмысленнымъ и станетъ возбуждать негодованіе въ читателѣ. Что авторъ по временамъ, сообразно съ излагаемымъ содержаніемъ, мѣняетъ свой тонъ, это ни мало не вредитъ художественной цѣльности произведенія; напротивъ, контрастъ въ формахъ изложенія усиливаетъ впечатлѣніе: на немногихъ задушевныхъ страницахъ, которыя по временамъ смѣняютъ юмористическія, читатель отдыхаетъ, собирается съ духомъ, чтобы снова отдаться въ руки юмориста. За то все мелкое, но тщеславное, пустое, но воображающее о себѣ очень много, пошлое, но считающее себя средоточіемъ въ жизни, рутина и невѣжество, полагающія себя, какъ особую мудрость и т. д. все это можетъ давать прекрасный матеріалъ для юмориста. Говоря въ тонъ мелкимъ тщеславнымъ рутинерамъ и пошлякамъ и еще преувеличивая ходульность ихъ воззрѣній, отношеній къ жизни, къ обществу и людямъ, представляя ихъ дѣйствія, событія въ ихъ жизни, персоны чрезвычайно значительными, юмористъ вызываетъ въ читателѣ осуждающій смѣхъ надъ этимъ міромъ». (Указать примѣры юмора въ поэмѣ). Юморъ Гоголя, какъ мы упомянули выше, съ развитіемъ таланта писателя, измѣнялъ свой характеръ. Въ юношескихъ произведеніяхъ, напр. въ «Вечерахъ на хуторѣ», юморъ Гоголя отли-

чается простодушною веселостью, въ немъ еще очень слабо проявляется свойство очертить всю пошлость пошлаго человѣка. Но затѣмъ послѣ описанія комической ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, которое кончается словами «скучно на этомъ свѣтѣ господа», характеръ юмора измѣняется: въ немъ сквозь зримый міру смѣхъ слышатся уже незримыя слезы. Такимъ характеромъ и отличается юморъ «Мертвыхъ душъ» въ тѣхъ ея мѣстахъ, гдѣ писатель изображаетъ нравственное паденіе человѣка, его пустую жизнь, полную противорѣчій разумнымъ ея идеаламъ. Рисуя темныя стороны дѣйствительности, Гоголь далеко не былъ сатирикомъ въ общепринятомъ значеніи этого слова: въ его юморѣ, чуждомъ негодованія и злобы, много было любви къ жизни, стремленія къ идеалу и желанія добра. Характеристика Плюшкина заканчивается высокимъ нравственнымъ урокомъ: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости, могъ снизойти человѣкъ, могъ такъ измѣниться. И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте-жъ съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымите потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости».

Какъ относится Гоголь къ своимъ героямъ, можно видѣть изъ его словъ по поводу характера Коробочки:

«Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣствицѣ человѣческаго совершенствованія. Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытвержденныя мысли, мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея по-

мѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ! Но мимо, мимо! зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою, вдругъ пронесется иная, чудная струя? еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо».

Даже образъ Чичикова, въ которомъ сгруппированы крупные недостатки человѣка, его прочныя страсти, внушаютъ поэту не злобу, а только грусть и сожалѣніе.

«Мертвыя души» представляютъ полную картину русской жизни. «При каждомъ словѣ поэмы (приводимъ слова Бѣлинскаго) читатель можетъ говорить: «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!» Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и «подлеца чубараго» включительно. Не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ «поэмою», и не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ нею. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточнаго; ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя; все серьезно, все спокойно, истинно и глубоко».

«Мертвыя души»—произведеніе самобытнаго таланта писателя. Самые обыкновенныя сцены и разговоры проникнуты новостью, естественнымъ движеніемъ, полнотою и рѣдкою объективностью. «Собственный, проницательный, вѣрный взглядъ Гоголя (говоритъ Плетневъ) возводитъ въ эстетическую сферу такія обстоятельства, изъ которыхъ обыкновенный писатель не извлекъ бы ничего, кромѣ натянутыхъ остротъ и скучныхъ шуточекъ. У Гоголя, напротивъ, никто не смѣшонъ, потому что въ жизни, дѣйствіяхъ каждаго есть истина, убѣждающая читателя. Перейдешь по всѣмъ отдѣленіямъ вещей и лицъ, не только начиная отъ Селифана, но и отъ самаго Чубараго, до легковоздушной институтки и ея отца, и ни въ чемъ не откроешь тѣни подложнаго или сомнительнаго: все

возникаетъ изъ закона внутренней жизни, слѣд. все появляется не для потѣхи, не отъ умысла на забаву, а по назначенію, по призванію природы».

Отдѣльныя описанія поэмы проникнуты замѣчательною вѣрностью природѣ и всегда выражены художественнымъ слогомъ, таково напр. описаніе сада Плюшкина (въ VI гл.) и дороги (въ XI гл.). Описывая какой бы то ни было предметъ, Гоголь касается самыхъ мелкихъ подробностей, но эти подробности такъ ловко сгруппированы и одушевлены нерѣдко такимъ неподдѣльнымъ комизмомъ, что получается картина въ высшей степени рельефная; таковы, напр. замѣчательныя описанія губернскихъ дамъ на балу у губернатора (VIII гл.) и разговора двухъ дамъ, просто пріятной съ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, описанія, превосходно рисующія передъ читателемъ картину провинціальныхъ нравовъ. Сравненія, встрѣчающіяся въ поэмѣ, заимствуются поэтомъ изъ обыденной жизни и всегда отличаются необыкновенною мѣткостью и картинностью. Приводимъ для образца нѣсколько примѣровъ:

Псы залились всѣми возможными голосами, одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ-будто за это получалъ Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ вѣроятно молодого щенка, и все это наконецъ повершалъ басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контробасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ, тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла.

. . . . . .

Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ что-либо попять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на школьника, которому сонному товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то

есть, бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города...

«Въ языкѣ поэмы (слова Плетнева) есть недосмотры. Гоголь изображеніемъ своимъ такъ сливается съ образомъ вещей и лицъ, о которыхъ разсказываетъ, или которыя заставляетъ дѣйствовать, что удобство или красоту размѣщенія словъ совсѣмъ опускаетъ изъ виду, лишь бы не ослабить силы представленія. Грамматическая критика, навѣрное, возьметъ за то свой полушечный оброкъ съ автора. Но въ замѣнъ ничтожныхъ недосмотровъ у Гоголя есть положительныя совершенства языка, красоты, вѣчно сіяющія у геніальныхъ писателей: сжатость выраженія, мѣткость и точность словъ и неразъединяемость ихъ отъ понятій».

«Неправы тѣ (слова С. Шевырева), которые брезгаютъ содержаніемъ поэмы Гоголя, стороною жизни дѣйствительной, восхищаясь отвлеченно однимъ только его искусствомъ... Весь этотъ странный міръ сельскихъ и губернскихъ героевъ, открытый фантазіей Гоголя, міръ, о которомъ мы имѣли какое-то смутное понятіе, какъ во снѣ, но который теперь такъ ясно и живо, какъ будто на яву, совершается въ очахъ нашихъ, имѣетъ весьма глубокое и великое значеніе: Собакевичи, Ноздревы, городъ N, наши деревни, яркія картины внутренняго быта Россіи, представъ вамъ ясно среди вашего пышнаго сна, разрушаютъ много свѣтлыхъ очарованій, низведутъ васъ изъ міра мечтаній высокихъ въ міръ голой существенности и направятъ вниманіе ваше на такіе вопросы, которые безъ того не раздались бы, можетъ быть, въ умѣ вашемъ. Сдѣлка, соединяющая Чичикова съ лицами поэмы и составляющая

главное содержаніе, главное дѣйствіе, въ ней развиваемое, подаетъ поводъ ко многимъ комическимъ сценамъ, въ которыхъ неистощимый талантъ автора съумѣлъ такъ искусно представить одинъ и тотъ же мотивъ. разнообразя его по характерамъ тѣхъ лицъ, съ коими сходится Чичиковъ. Предметъ сдѣлки весьма затѣйливо придуманъ комическою фантазіею поэта, въ немъ ничего нѣтъ такого, чтобы наружно съ перваго взгляда насъ отвращало—это было бы и противно самимъ требованіямъ искусства, но по мѣрѣ того, какъ вы сквозь смѣхъ и игру фантазіи, проникаете въ глубь существенной жизни, вамъ становится грустно, и смѣхъ вашъ переходитъ въ тяжкую задумчивость, и въ душѣ вашей возникаютъ важныя мысли о существенныхъ основахъ русской жизни».

Гоголь назвалъ свое произведеніе поэмой, желая этимъ названіемъ придать особую важность тому, что разсказывается въ ней. Тѣмъ не менѣе, «Мертвыя души» есть въ сущности романъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Правда, въ содержаніи его нѣтъ любви, обычнаго элемента романа, но этотъ родъ поэзіи, служа всестороннимъ отраженіемъ человѣческой жизни, нисколько не исключаетъ воспроизведенія и другихъ ея сторонъ, не менѣе чувства любви вліяющихъ на судьбу какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества. «Мертвыя души» романъ общественный: рисуя въ художественныхъ образахъ картину современныхъ нравовъ, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною точностью раскрываетъ тѣ вопіющіе пороки и злоупотребленія, которые господствовали въ средѣ общественныхъ классовъ русской провинціи сороковыхъ годовъ. И въ этомъ отношеніи романъ Гоголя имѣетъ огромное значеніе въ русской литературѣ; его появленіе безспорно содѣйствовало пробужденію самосознанія русскихъ людей и изученію историческихъ судебъ Россіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

„МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

Уже съ появленіемъ первой части «Мертвыхъ душъ» у Гоголя явилась мысль о продолженіи своего труда. Одновременно съ этимъ онъ начинаетъ задумываться о роли писателя вообще, о задачахъ и цѣли литературы и подъ вліяніемъ воззрѣній того кружка, среди котораго совершалось его собственное теоретическое развитіе, приходитъ къ тому выводу, что долгъ писателя въ поученіи людей, что въ его созданіяхъ жизнь должна сдѣлать какой-нибудь шагъ впередъ. Друзья Гоголя стали говорить ему, что смѣхъ вреденъ, что русская жизнь имѣетъ свои свѣтлыя стороны, которыми пренебрегать не слѣдуетъ. И вотъ Гоголь сталъ смотрѣть на свою поэму, какъ на такую книгу, которая, имѣя въ виду противодѣйствовать злу, сильно укоренившемуся въ русскомъ обществѣ, должна въ то же время заключать въ себѣ примѣры нравственности, изображать не только уклоненія отъ добродѣтели, но и самыхъ добродѣтельныхъ людей. Отраженіе этихъ воззрѣній Гоголя мы и видимъ во второй части «Мертвыхъ душъ», гдѣ рядомъ къ комическими типами представлены личности идеальныя въ образахъ Улиньки, Костанжогло и Муразова. Изображая Костанжогло и Муразова среди вопіющей пустоты, противополагая ихъ Чичикову съ его вѣчнымъ стремленіемъ къ наживѣ путемъ мошенничества, Гоголь хотѣлъ показать, въ чемъ должна заключаться трудовая и дѣятельная жизнь и въ этомъ, надо думать, должно было состоять значеніе обоихъ характеровъ, если бы поэма была доведена до конца. Изъ положительныхъ характеровъ поэмы вполнѣ обработаннымъ является собственно характеръ Костанжогло, что же касается Улиньки и Муразова, то эти лица остались недоконченными. Костанжогло представленъ образцовымъ сельскимъ хозяиномъ: у него не пропадаетъ даромъ ни одинъ клочекъ земли; богатства свои онъ пріобрѣтаетъ усиленнымъ трудомъ, необыкновенною изобрѣтательностью, примѣрною заботливостью о крестьянахъ, любовью къ земледѣлію, которое считаетъ основою нравственнаго и матерь-

яльнаго благосостоянія народа. Личность Костанжогло авторъ старается обставить такъ, чтобы читатель возгорѣлся любовью къ этому образцу всевозможныхъ добродѣтелей. Рѣчи Костанжогло всегда разумны, всегда проникнуты здравымъ смысломъ. Костанжогло, по словамъ автора, не обдумываетъ своихъ мыслей заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня предъ каминомъ; онѣ у него родятся на мѣстѣ, и гдѣ приходятъ въ голову, тамъ же и превращаются въ дѣло. При всемъ томъ это лицо, по справедливому замѣчанію Писемскаго, есть не что иное, какъ идея, для выраженія которой пріисканы въ жизни только формы, и пріисканы посредствомъ собиранія свѣдѣній и бесѣдъ со свѣдущими людьми, а не чрезъ непосредственное столкновеніе съ жизнью. То же самое можно сказать и о личности Муразова, добродѣтельнаго откупщика, честно нажившаго десять милліоновъ состоянія. Вообще идеальныя личности Гоголю не удались. Изображая ихъ, Гоголь, очевидно, свернулъ съ пути анализа дѣйствительности, гдѣ онъ былъ великимъ мастеромъ, и стремясь, вопреки призванью, быть лирикомъ, создалъ такой высокій идеалъ, который трудно было воплотить въ живой художественный образъ; рисуя идеальныя личности, Гоголь забываетъ свои собственныя слова о томъ, что добродѣтельныхъ героевъ изъ головы не выдумаешь, если ихъ нѣтъ въ дѣйствительности. Отсюда фальшь и тенденціозность въ изображеніи Костанжогло и т. п. лицъ. Тѣмъ не менѣе, многія мѣста и во второй части «Мертвыхъ душъ», именно тѣ, гдѣ писатель создаетъ картины жизни подъ впечатлѣніемъ непосредственнаго творчества, проникнуты жизнью и глубокимъ юморомъ, обличаютъ весьма тонкаго наблюдателя дѣйствительности, какимъ обыкновенно представляется Гоголь въ теченіе всей своей литературной дѣятельности. Укажемъ на особенно замѣчательные характеры и сцены.

Въ первой главѣ второй части романа мастерски выполненъ Гоголемъ типъ помѣщика Тентетникова. Тентетниковъ это нравственно-развитый, образованный человѣкъ: но благодаря какому-то болѣзненному самолюбію, отсутствію энергіи и другимъ причинамъ обращающійся сначала въ недовольнаго, а потомъ въ байбака и небокоптителя. Мучимый честолюбіемъ, Тентетниковъ бросаетъ свое прекрасное имѣніе, уѣзжаетъ въ Петербургъ и поступаетъ на

службу въ какой-то департаментъ. Онъ сначала и свыкается со службой, но тутъ являются два друга, два огорченные человѣка. «Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ. Пылкая рѣчь ихъ и благородный образъ негодованія подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя прежде онъ и не думалъ обращать вниманія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленія, въ которомъ онъ числился, человѣкъ наипріятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ»... Тентетниковъ бросаетъ службу и уѣзжаетъ въ свою усадьбу, въ тотъ чудный уголокъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Повидимому наступаетъ новый періодъ кипучей дѣятельности: Тентетниковъ энергично принимается за устройство своихъ крѣпостныхъ, входитъ во все, показывается на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ. Но это продолжается недолго. Видя, что ему ничего не удается, что мужикъ продолжаетъ плутовать, не смотря на гуманность барина, Тентетниковъ, какъ человѣкъ нетерпѣливый, теряетъ всякую энергію и обращается въ деревенскаго байбака, человѣка, который, по мѣткому русскому выраженію, коптитъ небо. Нельзя, однако, сказать, что въ Тентетниковѣ окончательно замерло всякое чувство. «Когда почта привозила газету и журналы и попадалось ему въ печати имя стараго товарища, успѣвшаго на поприщѣ государственной службы или науки, то тихая грусть овладѣвала Тентетниковымъ. Ему казалась противной жизнь его, и онъ со слезами на глазахъ вспоминалъ своего добраго и умнаго наставника». На время жизнь Тентетникова оживляется знакомствомъ съ генераломъ Бетрищевымъ; онъ влюбляется въ его дочь Улиньку. Но дѣло и тутъ кончается ничѣмъ. Бетрищевъ принимаетъ молодого помѣщика весьма радушно, но Тентетниковъ, обидѣвшись на фамильярный тонъ, съ которымъ обращался къ нему генералъ, прекращаетъ сношенія съ его домомъ и невѣстою.

«Скрѣпя сердце, и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ при-

сутствіе духа, сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ и все внутри кипѣло: «Я долженъ благодарить васъ, генералъ, за ваше расположеніе. Вы приглашаете и называете меня словомъ *ты* на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ *ты*. Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамильярному между нами обращенію». Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово (было имъ сказано) не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку ты (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова»)...

Къ такому-то человѣку авторъ приводитъ своего героя Чичикова. Противоположность взглядовъ и понятій между этими двумя лицами превосходно выражается въ слѣдующей сценѣ разговора:

Одинъ разъ послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, Чичиковъ сказалъ такъ: «у васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного недостаетъ».— «Чего?» спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ.— «Подруги жизни», сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и разговаривая о томъ, и о семъ, сказалъ вдругъ: «А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться». Хотя бы слово сказалъ на это Тентетниковъ, точно какъ-бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна! Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: «А все-таки, какъ не переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадаете въ ипохондрію». Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или уже расположеніе духа у Андрея Ивановича было какъ-то особенно настроено къ откровенности,—онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши къ верху трубочный дымъ: «На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ», и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и

увидѣлъ, что изъ-за одного слова «ты» произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тентетникову и заключилъ: «Да онъ, просто круглый дуракъ!»

«Андрей Ивановичъ, помилуйте!» сказалъ онъ наконецъ, взявши его за обѣ руки, «какое жъ тутъ оскорбленіе? что жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты?*»

«Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, сказалъ Тентетниковъ, «но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе. Ты—это значитъ: «Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина—ты знай мѣсто, стой у порога. Вотъ что это значитъ!» Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

— «Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, чтожъ тутъ такого?» сказалъ Чичиковъ.

— «Какъ», сказалъ Тентетниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову, «вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка!»

«Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ»! подумалъ про себя Тентетниковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Тентетниковъ!» подумалъ про себя Чичиковъ.

«Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почемужъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?»

«Это другое дѣло», сказалъ Тентетниковъ. «Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ «ты» и принялъ бы даже почтительно».

«Онъ совсѣмъ дуракъ», подумалъ про-себя Чичиковъ. Оборвышу позволить, а генералу не позволить!...

Характеръ Тентетникова изображенъ Гоголемъ съ большою любовью, несмотря на всю комически-грустную косность этого типа; онъ окружаетъ его всѣми прелестями природы (см. описаніе усадьбы

Тентетникова въ самомъ началѣ первой главы), отдѣляетъ его отъ другихъ лицъ, съ глубокимъ сочувствіемъ анализируетъ происхожденіе подобнаго рода людей.

Такими же тонкими чертами нарисованъ и Хлобуевъ. «Лицу этому (говоритъ одинъ критикъ) предназначалась великая будущность въ поэмѣ, и потому авторъ придалъ ему, также какъ и Тентетникову, много такихъ частныхъ чертъ, которыя уже напередъ примиряютъ съ нимъ читателя. Въ послѣдней главѣ характеръ этотъ не выдержанъ, но при появленіи онъ производитъ на читателя эффектъ своей натуральностью. Человѣкъ умный, но по своему, отвлеченно разсуждающій съ глубокимъ знаніемъ свѣта о другихъ и дѣлающій промахи на каждомъ шагу въ жизни; дошедшій до глубокой нищеты нерадѣніемъ и небрежностью; ходящій въ продранныхъ сапогахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при первыхъ же деньгахъ покупающій заграничныя бездѣлушки; вполнѣ сознающій свою ничтожность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, силящійся воспитать такимъ же образомъ дѣтей своихъ, какъ самъ онъ былъ воспитанъ; однимъ словомъ вмѣстилище всевозможныхъ противорѣчій. И въ этомъ слабомъ духѣ одна только могущественная черта — теплое религіозное чувство. Хлобуевъ—глубокій общественный типъ!»

Такъ очерчены Гоголемъ типы современнаго ему поколѣнія, въ изображеніи которыхъ сквозь смѣхъ пробивается и грусть при видѣ людей съ хорошими задатками, но гибнущихъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ жизни. Въ нѣсколько иномъ тонѣ представлены Бетрищевъ, Петръ Петровичъ Пѣтухъ и полковникъ Кашкаревъ. Бетрищевъ обрисованъ типическими чертами, это вполнѣ живое лицо. Гоголь такъ анализируетъ нравственную физіономію этого типа:

«Генералъ Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшные, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Самопожертвованіе, великодушіе, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ и ко всему этому — изрядная подмѣсь себялюбія, честолюбія, самолюбія, мелочной щекотливости личной и многаго того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ колкихъ эпиграм-

махъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему товарищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находилось его помѣстье, такъ что онъ очутился какъ-бы въ зависимости отъ него. Въ отмщеніе, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженіе, и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Несмотря на доброе сердце, генералъ былъ насмѣшливъ. Вообще говоря онъ любилъ первенствовать, любилъ өиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. Съ такою неровностью въ характерѣ, съ такими крупными яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ, если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость».

Бесѣда Чичикова съ генераломъ, изображенная мастерскою кистью, живо обрисовываетъ обоихъ героевъ поэмы.

«Поприще службы моей», сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не посерединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ, «началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченье оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ коммиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣньи, можно сказать, выросъ, терпѣніемъ воспоенъ, терпѣніемъ спеленанъ и самъ такъ сказать, ничто другое, какъ одно терпѣніе. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова, ни кисти, ни краски не съумѣютъ передать. Теперь же, на вечерѣ, такъ сказать, жизни моей, ищу уголка,

гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства»...

«У кого это!»

«У Тентетникова, ваше превосходительство». Генералъ поморщился.

«Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья»...

«Къ чему уваженья?»

«Къ заслугамъ вашего превосходительства», сказалъ Чичиковъ. «Не находитъ словъ, не знаетъ, какъ загладить проступокъ». Говоритъ: «Если бы я только могъ передъ его превосходительствомъ чѣмъ нибудь»... потому что точно, говоритъ «умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество», говоритъ.

«Помилуйте, чтожъ онъ? Да вѣдь я не сержусь!» сказалъ смягчившійся генералъ. «Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ».

«Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство. Преполезный человѣкъ, съ даромъ слова, и владѣетъ перомъ».

«Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки».

«Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки»...

«Что жъ такое?»

«Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство».

«Исторію; о чемъ исторію?»

«Исторію»... тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: «исторію о генералахъ, ваше превосходительство».

«Какъ генералахъ? о какихъ генералахъ?»

«Вообще о генералахъ, ваше превосходительство въ общности. То есть, говоря собственно, объ отечественныхъ гонералахъ», сказалъ Чичиковъ и самъ подумалъ: Что это я за вздоръ такой несу!»

«Извините, я не очень понимаю... что жъ это выходитъ исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ-ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?»

«Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!» сказалъ Чичиковъ.

«Такъ что жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ. Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ».

«Робѣетъ, ваше превосходительство».

«Какой вздоръ! Изъ-за какого-нибудь пустого слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать».

«Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ», сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ себѣ: «Генералы пришлись, однако же, кстати! между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтнулъ сдуру».

Въ высшей степени типиченъ помѣщикъ Пѣтухъ,—этотъ образцовый гастрономъ, весь день занятый вопросомъ о кушаньяхъ и удивляющійся тѣмъ людямъ, которые находятъ время скучать. Сцена, гдѣ Пѣтухъ съ присасываніемъ и причмокиваніемъ заказываетъ повару кулебяку, полна неподражаемаго комизма. Весьма натурально и живо представлены и два сына Пѣтуха, гимназисты Алексаша и Николаша. Въ образѣ ихъ Гоголь изображаетъ смѣшную сторону тѣхъ безпутныхъ юношей, которые пренебрегаютъ ученіемъ въ провинціи и сидя на школьной скамьѣ уже мечтаютъ о жизни въ столицѣ, чтобы тамъ вступить въ разрядъ шалопаевъ. Забавенъ также и полковникъ Кошкаревъ съ своею страстью къ бумажному производству мелочныхъ дѣлъ, съ своимъ соболѣзнованіемъ о томъ, что онъ не могъ заставить бабъ ходить въ корсетахъ, тогда какъ въ Германіи онъ видѣлъ дочь мельника, умѣвшую играть на фортепьяно. Но лицо Кошкарева не совсѣмъ удалось Гоголю, оно представлено нѣсколько карикатурно и съ единственною цѣлью посмѣяться надъ тѣми, которые заражены были слѣпою страстью перенимать иноземные порядки.

Главнымъ героемъ второй части поэмы является все тотъ же знакомый нашъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, скупающій мертвыя души. И здѣсь Чичиковъ остается удивительно вѣрнымъ самому себѣ въ теченіе всего дѣйствія; каждое его слово, каждое движеніе проникнуты глубокимъ юморомъ. Особенно живо рисуется характеръ герое, когда онъ за поддѣлку духовнаго завѣщанія попадаетъ въ тюрьму. Сначала его безпокоитъ болѣе всего потеря

денегъ, потомъ, когда Муразовъ усовѣщиваетъ его, взывая къ хорошимъ чертамъ его натуры, онъ на минуту готовъ обратиться на путь истины «Есть тайны души», говоритъ поэтъ, «какъ бы ни далеко отшатнулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступникъ, какъ бы ни коснѣлъ, твердѣя въ совращенной жизни; но если попрекнешь его имъ же, его достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ пробудится душа невольно, и весь онъ потрясается». Но когда появленіе Самосвистова возбуждаетъ въ душѣ Чичикова надежду на спасеніе, онъ опять становится тѣмъ же Чичиковымъ.

Таковы въ общихъ чертахъ герои и типы второй части «Мертвыхъ душъ». Надо сказать, что въ этомъ произведеніи вполнѣ обработанною является только первая глава, что же касается до остальныхъ главъ, то однѣ изъ нихъ сохранились съ большими пропусками, другіе представляютъ не что иное, какъ конспекты, по которымъ трудно возстановить разсказъ поэмы во всей его послѣдовательности. Тѣмъ не менѣе и сохранившіеся отрывки весьма важны, какъ для изученія литературной характеристики Гоголя, такъ и для знакомства съ тѣми мнѣніями писателя, которыя высказывались имъ въ послѣдніе годы его жизни.

Лучшими пособіями при изученіи второй части «Мертвыхъ душъ» могутъ служить: 1) статья А. Ѳ. Писемскаго, помѣщенныя въ Пол. собр. его сочиненій, и 2) статья о Гоголѣ А. Н. Пыпина въ его «Истор. Очеркахъ».

Темы для самостоятельныхъ письменныхъ работъ.

1) Справедливо ли нѣкоторые критики сравниваютъ «Мертвыя души съ поэмами Гомера? (Пособіемъ можетъ служить томъ VI сочин. Бѣлинскаго стр, 433—444 и стр. 523—557). 2) Характеристика Хлобуева какъ человѣка и помѣщика. 3) Маниловъ и Собакевичъ (параллельная характеристика). 4) Характеристика помѣщичьяго быта на основаніи обѣихъ частей поэмы Гоголя. 5) О народности поэмы «Мертвыя души» со стороны формы и содержанія.

БИБЛИОТЕКА

Ленинградский Институт усовершенствования учителей
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 14817

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) **Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина** въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній въ біографіяхъ и характеристикахъ. Изд. 3-е. Ц. 80 коп.

2) **„Горе отъ ума“** *Грибоѣдова,* разборъ комедіи. Изд. 4-е. Ц. 40 коп.

3) **А. С. Пушкинъ,** біографическія свѣдѣнія и разборъ его сочиненій. Изд. 5-е. Ц. 60 к.

4) **М. Ю. Лермонтовъ,** біографическія свѣдѣнія и разборъ его сочиненій. Изд. 4-е Ц. 45 коп.

5) **„Ревизоръ“** *Гоголя,* разборъ комедіи для учащихся. Изд. 6-е Ц. 35 коп.

6) **„Тарасъ Бульба“** разборъ повѣсти съ приложеніемъ статьи *Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя.* Изд. 3-е. Ц. 25 коп.

7) **А. Н. Островскій,** біографическія свѣдѣнія и разборъ его произведеній. Ц. 50 коп.

8) **А. В. Кольцовъ,** біографическія свѣдѣнія и разборъ его стихотвореній для учащихся. Ц. 35 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Н. П. КАРБАСНИКОВА:

С.-Петербургъ. 1) Литейный пр., № 46; 2) внутри Гостинаго двора, 19; 3) Невскій пр., 50; **Москва.** Моховая д. Баженова; **Варшава.** Новый Свѣтъ, 69; **Вильно.** Большая ул., д. Гордона,